

DETECTED

ТАЙНА, ПОКОРИВШАЯ МИР

Впервые на русском

Йон
Колфер

Вокруг пальца

DETECTED. Тайна, покорившая мир

Йон Колфер
Вокруг пальца

«ЭКСМО»

2013

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Колфер Й.

Вокруг пальца / Й. Колфер — «Эксмо»,
2013 — (DETECTED. Тайна, покоровшая мир)

ISBN 978-5-699-92876-7

Детектив-событие от автора всемирно известной серии романов об Артемисе Фауле! Наконец-то жизнь Дэниела Макэвоя обрела стабильность. После головокружительных приключений бывший солдат, а затем вышибала в маленьком казино в Нью-Джерси стал хозяином этого заведения. Дела идут, денежки каплют, личная жизнь налаживается. Однако в жизни Дэниела белые полосы всегда быстро менялись на черные... Босс местной ирландской мафии считает, что Макэвой задолжал ему по старым делам, и «ненавязчиво» предлагает этот должок отработать. На первый взгляд все просто: Дэниел должен передать пакет с бумагами одному воротиле из Нью-Йорка, затем отвалить – и все в расчете. Особого выбора у Макэвоя нет – бандит угрожает жизни его друзей. Бывший солдат чует подвох, но тем не менее соглашается поработать курьером. А зря...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-92876-7

© Колфер Й., 2013
© Эксмо, 2013

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	22
Глава 3	30
Глава 4	41
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Йон Колфер

Вокруг пальца

Eoin Colfer
Screwed

© 2013 by Eoin Colfer

© А. В. Филонов, перевод на русский язык, 2013

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э»», 2016

* * *

Глава 1

Клойстерс

Округ Эссекс, Нью-Джерси

Великий Элмор Леонард¹ однажды сказал, что нипочем не следует начинать рассказ с погоды. Вольно же мистеру Леонарду говорить, а всем его приспешникам строчить в своих молескиновых блокнотах, но порой рассказ начинается с погоды, и ему начхать, что там рекомендует легенда жанра, даже если это сам Э. Л. Так что если вначале погода, так лучше поставь ее, или окажешься по щиколотку в щепках истории без малейшего понятия, как склеить их обратно.

Так что ждите, что аккурат посреди первой главы разразятся некие серьезные погодные условия, а если под руку подвернутся детишки и животные, их тоже не миновать, и начхать на этого архаичного кинозвездного субъекта с сигарой и прищуренным глазом. Рассказ есть рассказ.

А раз рассказ есть рассказ, давайте его начнем...

Я лежу в кровати с красивой женщиной, наблюдая, как утреннее солнце воспламеняет ее волосы, будто некий электрический нимб, и думая в надцатый раз, что я ближе к счастью, чем когда-либо смогу подобраться, и на несколько ступеней ближе, чем заслуживаю после всей той крови, что я вынужден был пролить.

Женщина спит, и это, говоря по правде, лучшее время, чтобы на нее глазеть. Когда София Делано не спит, ей не по нраву, что на нее таращатся. Небрежный взгляд еще ничего, но по истечении пяти секунд визуального контакта ее опасения и фобии вырываются из-под спуда, и вдруг обнаруживаешь, что имеешь дело совсем с иным зверем, особенно если она забыла принять свой литий.

Разнообразные психозы – вовсе не часть натуры Софии. Они вскормлены. Еще будучи девушкой-подростком, София была психологически скультивирована Кармином Делано, своим жестоким супругом, пока не начала выказывать симптомы биполярного аффективного расстройства, шизофрении и деменции, и в этот момент принц Кармин подумал про себя: «Сучка рехнулась» – и купил билет в дальние дали, предоставив своей юной женушке сидеть дома и тосковать. Его же с той поры и след простыл. Ни уха, ни рыла.

А тосковать, как София Делано, не умеет никто. Будь тоска видом искусства, София по этой части – Пикассо. Отвлекается она лишь на то, чтобы изводить жильца этажом ниже, каковым по случаю оказался я. А потом с полгода назад я оказал ей довольно пустяковую услугу по дому – и бац, она уже убеждена, что я ее давно запропавшийся муж, не всплывавший на поверхность два десятка лет. В последний раз София была искренне счастлива, когда впервые пошла на свидание с Кармином в конце восьмидесятых, и потому иголку Софии заело на этом десятилетии. Ее прикид а-ля Мадонна жжет, ее Синди Лопер ошеломляет, но я бы сказал, что над Чакой Хан ей надо еще поработать.

Пару раз мы с ней поладили, но положила руку на сердце дальше этого я пойти не могу. Я знаю, что пары частенько воображают из себя кого-то других, но если один из партнеров искренне верит в это – наверное, в таком есть нечто противозаконное.

Но поцелуи-то в порядке вещей, правда?

¹ Элмор Джон Леонард-младший (1925–2013) – американский писатель и сценарист, мастер криминальной литературы и вестернов. – *Здесь и далее прим. пер.*

А целоваться – боже, как же она целуется! Будто выпивает сердце из моей груди, а потом вкладывает обратно. А эти глаза? Большие, синие, чересчур подведенные тушью... Ради таких глаз любой мужчина заберется в порожнее брюхо деревянной лошади.

Один раз моя ладонь задела ее сиську, но чисто случайно, честное слово.

Порой мне кажется, что она знает, кто я. Может, вначале я и был Кармином, но теперь... По-моему, забрезжило.

Однако если я так чертовски благороден, как вышло, что я в одной постели с этой заглаженной дамой? Прежде всего, в жопу вас с вашими грязными мыслишками. А вторых, я лежу поверх покрывала, а София уютно и безопасно прикорнула под пуховым одеялом. Это единственный раз за полгода, когда я остался, потому что вчера вечером мы разделили бутылку красного, в котором было довольно танинов, чтобы свалить слона, и посмотрели «Амели»² – пожалуй, лучший фильм без насилия, какой я когда-либо видел.

Мы много смеялись.

С французским акцентом.

Помнится, я думал: «Вот так бы всегда».

Я обнаружил, что задеть Софию за живое способны пилули плюс два бокала вина. Тогда я попадаю в фокус, и мы можем наслаждаться кино, как двое влюбленных среднего возраста.

А я влюблен в нее. Влюблен, как старшеклассник в королеву школьного бала.

Саймон Мориарти, время от времени вправляющий мне мозги со времени моей службы в ирландской армии, говорит, что я одержим чем-то недостижимым, а потому чистым навечно. Да где ему, к черту, знать? Нет на планете парня, способного лежать там же, где я, и не чувствовать, как занимается сердце.

И уж поверьте, София вовсе не *недоступна*. Она по-своему в лепешку расшибается, чтобы стать доступной, с тех самых пор, как мы свели приятельские отношения. Но я не могу сделать этого, и лежание на кровати вместе ничуть такому делу не способствует.

София открывает глаза, и я думаю: «Боже, пожалуйста, признай меня!»

И она говорит с таким придыханием, что прямо мурлычет:

– Эгей, Дэн. Как дела?

Вот оно: идеальный момент, так что я фотографирую его взглядом, прежде чем ответить.

– Просто отлично, – говорю я, и это правда. Любой день, когда я не Кармин, – замечательный день для Д. Макэвоя.

– Почему ты там? – спрашивает она, проводя пальцем по моему лицу, цепляясь ногтем о мою щетину. – Иди сюда, тут тепленько.

Я бы мог. Почему бы и нет? По взаимному согласию и все такое. Но София может в мгновение ока переключиться, и кто я тогда?

Кармин?

Чужак?

А этой девушке не нужны больше ни травмы, ни игры разума.

Так что я говорю:

– Эй, а как насчет того, чтобы я принес тебе кофе?

София вздыхает:

– Дэн, через пару месяцев мне будет сорок. Часы тикают.

² Французская комедия режиссера Жан-Пьера Жене. Далее герой выказывает незаурядное знакомство с кинематографом, так что на случай, если то или иное название покажется вам незнакомым, я буду приводить оригинальное название фильма. Если любопытно, ищите в Интернете.

Я пытаюсь улыбнуться, но выходит какая-то гримаса, и София проникается ко мне жалостью.

– Ладно, Дэн. Давай кофе.

Она закрывает глаза и потягивается, выгибая спину, и одна длинная нога выскальзывает из-под одеяла.

Я думаю, что, пожалуй, и сам не откажусь от кофе.

* * *

Когда я уйду, она опирается на подушки с чашечкой капучино из пакетика и экземпляром «Карибского круиза»³, который читала сотню раз, хотя за последние двадцать лет покидала здание считанное число раз. Перед моим уходом мы обмениваемся обещаниями. Я присягаю прийти, когда закончу у себя в казино, чтобы посмотреть «Манон с источника», не принадлежащий к числу моих любимых DVD, а София клянется, что проглотит пилюли, которые я оставляю в чашке на ее комод.

Я полон оптимизма, что сегодня могу удостоиться очередного лоскутка рая.

Это может быть началом чего-то хорошего. У Софии голова встанет на место, а я ухвачу пару-тройку слов по-французски. Казино держится на плаву, и никто не пытался убить меня уже полгода. А что лучше всего, не считая пары алкашей, которых пришлось проводить из клуба пинком, мне уже давненько не приходилось причинять никому ничего.

Я очень даже мог бы к этому привыкнуть.

Люди могут умиротвориться. Такое возможно. Я видел их в парках и перед театрами. Господи, да я даже знаком с парочкой умиротворенных людей лично. Может, настал и мой черед...

«Не впадай в счастье, – осадил я себя. – Вселенная не может терпеть счастье долго», – что вряд ли станет заглавием книжки из серии «Помоги себе сам», которая появится на полках магазинов к следующему Рождеству.

Не успеваю я пройти и пяти кварталов, бдительно высматривая умиротворенных людей, чтобы подкрепить свой аргумент, когда мой сотовый звонит. Я не глядя знаю, что звонит Зебулон Кронски, один из горстки моих друзей. Я знаю это, потому что он самолично установил «Доктор Бит» в исполнении «Майами саунд мэшин» в качестве его персонального звонка.

Эта небольшая деталь много говорит вам о моем друге Зебе. Стоит пять секунд послушать кубино-флоридскую полифонию – и на вас снизойдет прозрение, даже если вы с ним не встречались. Так вот, само собой, Зеб – доктор. Считает себя музыкантом, отсюда и крутой ретромотивчик Майами, а еще ему хватает наглости влезть в чужой телефон и помудрить с настройками. Кому ж такое понравится? Телефон человека – вещь личная, и нефиг в нем колупаться. Я ни разу не слышал, чтобы кто-нибудь сказал: «Эй, да ты поковырялся с моими обоями. Клево!»

Все это правда; Зебулон Кронски – засранец-хирург-косметолог, считающий себя музыкантом. И познакомься мы при нормальных обстоятельствах, наверное, я бы выскочил из комнаты со сжатыми кулаками, чтобы не вышибить из него дух, но мы познакомились, когда были в силах миротворцев ООН в Ливане во время войны, испытывая давление океанских впадин, так что нас связали узы крови и шрапнели. Порою фронтовой друг – единственное, что помогает пережить мирное время. Тот факт, что мы были по разные стороны Ближнего Востока, погоды не делает, мы оба чересчур стары, чтобы доверять *сторонам*. Сейчас я доверяю людям. Да и то немногим.

³ «Карибский круиз» (англ. Caribbean Cruising) – роман Р. Хоторн.

И строго говоря, я не был на какой-нибудь стороне. Я был посередке.

Я жду, пока Глория Эстефан закончит такт, а затем вскидываю свой «Айфон».

– Алло, – говорю я, придерживаясь ирландской максимы, что не следует выдавать информацию добровольно.

– Добренькое вам утречко, сержант, – говорит доктор Зебулон Кронски, раздирая мне уши своим *голливудским ирландским* акцентом.

– Доброе, Зеб, – отвечаю я уныло и с опаской.

У меня есть армейский дружок, который даже не признает *факт* утра, чтобы это не помогло засечь его позицию.

– Ты практиковался в этом акценте? – осведомляюсь я у него. – Он хорош.

– Правда?

– Нет, неправда, мутила. Акцент настолько скверный, что отдает расизмом.

Этим я наступаю на любимую мозоль, потому что Зебулон только-только начал посещать актерские курсы и воображает себя характерным артистом.

«Со мной чудная штука, – однажды признался он после бутылки чего-то противозаконного из Эверглейдс, то ли содержавшего аллигаторов пенис, то ли нет. – Я вроде как малость Джефф Голдблюм, а отчасти этот тип, что Монк. Понимаешь, о чем я? Я однажды был статистом в «Полиция нравов: такой-то гребаный город». Режиссер сказал, что у меня интересное лицо».

Интересное лицо? Ну-ну, браток. Вроде как нормальное лицо сплюснули между двумя полотнами зеркального стекла. Опять же, и мое лицо особых описаний не заслуживает. Угрюмый вид крутого парня впечатывался в него так долго, что так и остался и когда ветер переменялся.

Моя *расистская* колкость Зеба не задела, и в ответ он обрушивает сокрушительную новость, не трудясь подсластить ее:

– Миссис Мэдден умерла, Дэн. Мы пребываем в *über*просрации.

Мы с Зебом оба ценим словечко *über*⁴, так что в эпоху небрежных «потрясающ» и полной путаницы по поводу терминов «чумово», «ужасно», «жестоко» и «радикально» мы приберегаем *über* для глаголов и существительных, действительно того заслуживающих.

Мое сердце дает сбой, и телефон вдруг кажется тяжелее кирпича. Нечего было мне раздумывать об умиротворении; вот так оно и кончается.

Миссис Мэдден умерла?! Уже?

Это неправильно. Как раз сейчас в моей жизни ни малейшего пространства для маневра. Мои проблемы упакованы плотнее, чем патроны в магазине.

Она не может умереть.

– Херня, – говорю я, но это лишь отсрочка, дающая моему сердцу шанс снова войти в ритм.

– Не херня, ирландец, – возражает Зеб. – Я сказал *über*. А с *über* не выёживаются, это наш код.

Вообще-то я не расстраиваюсь, когда не знакомая мне лично дама, хотя бы и родом из Ирландии, слетает с катушек, но мое собственное благоденствие сильно зависит от того, достаточно ли жива миссис Мэдден, чтобы раз в неделю звонить сыну.

Вот в чем тут штука: Майк Мэдден, возлюбленный сын, – большая рыба в нашем крохотном прудике, а под большой рыбой я подразумеваю самого свирепого жопиного сына-гангстера в нашем тихом городишке. Майк заправляет всей шпаной из клуба «Медное кольцо» на центральной улице Клойстерса. У него где-то с дюжину хулиганов с излишком оружия и дефицитом школьных аттестатов, и все так и рвутся поржать над ирландскими

⁴ Über (нем.) – сверх, через, в том числе в качестве приставки.

анекдотами Майка и причинить увечья всякому, кто бросит разводной ключ в машину Мэддена. Он и в самом деле смехотворен, этот кельтский хрен липовый с его ойрландскими переливами напрямки с «Тихого человека»⁵. В войсках я навидался хлопцев вроде него; полководцы районного масштаба с манией власти, не отличающие кулаков от мозгов, но долго сохранять корону им не удавалось ни разу. Неизменно выносило на поверхность очередного крутого типа с мерзким норовом и АК под кителем. Но Майк здесь, в Клойстерсе, попал в питательную среду, потому что уж больно городишко мелкотравчатый, чтобы хоть какой уважающий себя супостат сунул сюда рыло. Майк не так богат баблом, как прочие боссы, зато и не выбегает на стрелку неделя через вторую. Плюс к тому он может трепать языком с утра до вечера, и никто и шепнуть не посмеет: «Ой, бараться-всраться!»

Никто, кроме меня.

У нас с Майком в прошлом году был междусобойчик по поводу небольших фатальных тренировок, возникших у меня с его подручником. Зеб был тоже замешан, что пришлось всем участникам против шерсти. В результате я был вынужден попросить одного из своих ирландских сослуживцев изобразить вооруженного до зубов гнома в саду его мамы в Балливалу, только чтобы гарантировать, что мы с Зебом продолжим вдыхать воздух округа Эссекс.

Источая угрозы матери этого типа, я чувствовал, как частичка моей души увядает. Ниже этого я не ползал, но никакого другого способа выпутаться не видел. Каждый день с той поры, как заключил эту сделку, я честно верил, что часть радиоактивных осадков от сделки с дьяволом заключается в том, что ты перестраиваешься по его образу и подобию. Были времена, когда выставлять на кон угрозы матери субъекта было немыслимо ни при каких обстоятельствах, особенно учитывая, через что пришлось пройти моей собственной маме.

«Я бы нипочем не исполнил эту угрозу, – твердил я себе что ни день. – Я не настолько плох».

Может, я сумею выкарабкаться и стать таким же, как был. Может, с Софией, лежащей обок меня в кровати с волосами, подсвеченными нимбом утреннего солнца...

Послушайте меня. Вещаю, прям как Селин Дион на корабле.

Как бы то ни было...

Ирландец Майк Мэдден обещал не выпускать кишки Зебулону и мне лишь до той поры, пока жива его мамочка, а вернее, обещал прикончить нас, как только его мамаша отправится на тот свет. Подоплека, как таковая, не важна. По сути, теперь, когда его мамаша почилла, этот тип Майк привяжет нас с Зебом к бочке со спущенными штанами и полупинтой «Кей-Уай Джелли», трясущейся у него на ладони.

Метафорической смазкой.

Надеюсь.

По поводу этого последнего оборота мнение у меня неоднозначное. Я ощущаю знакомое утомление мозгов, возникающее, когда меня опять швыряет в бурлящий котел боя, но еще я самую крохотку чувствую облегчение, что миссис Мэдден померла и мне не придется ничего предпринимать по этому поводу. Во всяком случае, я надеюсь, что мне не придется ничего предпринимать по этому поводу. Уж лучше позвоню своему гному, когда перепадет минутка, потому что мой бывший сослуживец, приглядывавший за миссис Мэдден, славится своими упредительными ударами. Может, капралу Томми Флетчеру просто осточертело приглядывать за ней.

Я слышу голос Зеба в ухе:

– Йо, парень на букву «Д»? Ты сомлел на тротуаре?

⁵ «Тихий человек» (англ. The Quiet Man).

Йо? Зеб обожает свою приемную культуру. На прошлой неделе он назвал меня «сююка», и мне пришлось крепенько врезать ему костяшками в лоб.

– Ага. Я здесь. Просто скверные новости малость вышибли меня с рельс.

– Ай, Иисусе. Мы ж еще не кормим червей.

– Так что же случилось с матерью? Естественные причины, а?

Христе-боже, пусть это будут естественные причины!

– Отчасти естественные, – говорит Зеб с баламутящей неопределенностью.

Надобно признаться, я долго считал, что «баламутить» означает нечто другое.

– В каком это смысле отчасти?

– Ну, снег и молния.

– Продолжай. Расскажи, я же знаю, что ты прям помираешь от желания.

– Жаль, у тебя нет «FaceTime». Без видео это трудно оценить по полной.

Зеб уже всерьез задел меня за живое. Мне не следовало недооценивать его актерское мастерство.

– Зеб, очерти же!

– Очертить? Ты что, черненький чумазенький чертенок?

Я ору в динамики телефона:

– Что стряслось с гребаной матерью?!

Я проиграл, а значит, Зеб выиграл.

– Угомонись уж, ирландец. Какого дьявола?

Зеб без ума от игр. Его любимая – дергать за мои ниточки, но у меня и своя игра есть. Армейский психиатр малость просветил меня насчет манипуляций, что вообще-то в плане занятий не стояло, но он подумал, что это может пригодиться, увидев, что я перебираюсь в Нью-Йорк.

– Лады. Я спокоен. Но сейчас мне надо рвать когти – встреча в казино. Перезвони мне с доскональным отчетом попозже.

Я слышу копошение: Зеб заерзал на своем сиденье.

– Да брось, Дэнни, дружок. Есть у тебя время. Может, это последняя байка, которую тебе доведется услышать.

– Знаешь, что я тебе скажу: наговори на автоответчик, а я прослушаю потом.

Я переборщил.

– Пошел на хер, Дэнни. Треклятая встреча, хрен по всей роже... Ты меня почти достал, но я сжалюсь над тобой. Почтенная леди Мэдден отправилась покататься на лыжах, можешь в это, на хрен, поверить?

Я заключаю, что вопрос риторический, но Зеб ждет ответа.

– Нет, я не могу в это поверить, – без спешки отвечаю я.

– Что ж, поверь в это, ирландец. Эта старушка пристегнула лыжи и пустилась через вельд.

– Вельд. Поле. Это не иврит, а?

– Раз ты знаешь, что нет, так к чему перебивать? Ты вроде как меня ненавидишь.

Если и есть нечто более изнурительное, чем беседа с доктором Зебулоном Кронски, то я выстрелю себе в лоб, прежде чем испробовать это.

– Ну, это не горные лыжи, этого я не говорю, даме было восемьдесят пять лет, господи помилуй, но она вместе с собачкой отправляется через *поле* повидаться со старшей сестрой. – Зеб радостно хихикает. – *Старшей сестрой*. Вы, ирландцы, сделаны из вулканического материала или какого другого дерьма.

– Продолжай.

– Назревает буран. На холмах лежат большие угрюмые тучи, так что мамаша Мэдден решает срезать. Как выясняется, роковое решение.

Мне приходится сесть во время этого представления. Выбора нет.

«Роковое» и «угрюмые», охренеть...

— Она карабкается через перелаз, из-за чего мне пришлось потратить какое-то время на выяснение, что за черт этот перелаз, позволь тебе сказать. Так что старушка форрест-гампирует через ров, вскинув свою лыжную палку вверх, когда самый натуральный удар молнии попадает в ее палку, отправляя мамашу Мэдден прямоком в мир иной. Удар молнии, итить ее мать.

Удар молнии, итить ее мать. Вот вам и ссылка на погоду, да простит нас Элмор.

— Ты что, шутишь надо мной? — спрашиваю я совсем не риторически. Я и правда хочу знать, не прикалывается ли Зеб надо мной. Он проделывает подобное дерьмо все время, не зная никаких рамок. В прошлом году прямо посреди моей собственной процедуры по трансплантации волос он заявил, что у меня рак черепа. И талдычил это добрых три часа.

— Я не шучу над тобою, Дэн. У нее глаза сварились вкрутую прямо в глазницах. Один шанс на миллион.

Новость скверная. Хуже некуда. Майк никогда не держал меня за парня, владеющего паями в бизнесе «прости и забудь».

— Может, у Майка более широкая натура, чем мы думали, — говорю я, постигая ситуацию в целом. — Может, он осознает, что клуб — хороший источник доходов, и спустит это дело с нами на тормозах.

Зеб хмыкает:

— Ага? А *может*, если б у моего дяди Морта была голощелка, я бы нюхал кокаин с его жопы и перил его. Майк ни за что ничего не спустит на тормозах.

Мы с дядей Мормом чокнулись бокалами пару раз, так что теперь Зеб повинен в очередном гротескном мысленном образе, который мне придется подавлять.

Я вдруг нутром ощущаю леденящий ужас, охватывающий, когда случайно отправишь «мыло» о первоклассной заднице этой же первоклассной заднице.

— Зеб, поведай мне, что понесший тяжкую утрату Майк не сидит напротив тебя, слушая твои бредни о его несчастной, недавно почившей матери.

— Знамо, нет, — говорит Зеб. — Я ж не полный болван.

— Так откуда ж ты знаешь, что он ничего не спустит на тормозах?

— Да уж знаю, — вещает Зеб, спокойно, как слон, — потому что Майк прислал одного из своих трилистных шмендриков⁶ захватить меня. Как раз сейчас я на заднем сиденье и меня везут в «Медное кольцо».

— Лучше мне двигать туда, — говорю я, прибавляя шагу.

— Именно так шмендрик и сказал, — говорит Зеб и вешает трубку.

* * *

Я искренне тревожусь, что мой сторожевой пес капрал Томми Флетчер перешел в оперативный режим и подключил старушку к автомобильному аккумулятору. Насилие никогда не было для него проблемой, хотя профиль в «Фейсбуке» описывает его как обаятельного плюшевого мишку. Дойду до того, что скажу, что некоторые самые памятные остроты Томми были вдохновлены моментами крайнего насилия. Взять для примера одну ночь в Ливане пару десятков лет назад, когда мы с ним были миротворцами ирландской армии, безвыходно застрявшими на слякотной крыше вместе со своим полковником между сторожевой вышкой и бункером, слушая, как над головами свистят гаубичные снаряды «Хезболлы». Я был готов

⁶ Шмендрик (*идиш*) — идиот, паяц.

Христом Богом присягнуть, что слышу в свисте снарядов мелодию «Ревнивого парня»⁷, и думал про себя: «Слякоть?! На Ближнем Востоке не должно быть никакой слякоти!»

Но слякоть была не главной заморочкой. Хуже этой скользкой размазни и даже арт-обстрела был страх смерти, исходивший волнами от патруля из трех человек, и то, как он проявил себя в нашем командире. Полковник, настолько зеленый, что решил сопровождать своих парней в патрули, рассуждал, что его там и быть не должно, а потому ему никак нельзя погибать.

«Неужто эти тупые ублюдки не понимают?! – повторял он все более и более визгливым голосом. – Я прибыл лишь выказать капельку солидарности, бога ради! Нельзя же убивать человека за это».

Полковник оказался прав – «Хезболла» его не убила, боевики только выкололи один глаз и отрезали одно ухо, что подтолкнуло Томми к одной из своих бессмертных цитат в казарме пару часов спустя: «Типичный офицер. Зайди к нему не с того боку, и он ничего не слышит, ничего не видит».

Когда доходит до ярких сентенций, Оскар Уайльд рядом с капралом Томасом Флетчером отдыхает.

* * *

Я решаю припустить в «Медное кольцо» трусцой. Деловой район Клойстерса – всего пара квадратных кварталов, а такси пришлось бы следовать свежеиспеченной мэром системе одностороннего движения, призванной превратить честных граждан в буйнопомешанных в ходе их повседневных поездок в город и обратно. Как бы то ни было, пробежка дает мне возможность прочистить мозги, хотя шаркающий ногами неандерталец в кожаной куртке неизбежно провоцирует людей, на долю секунды проникающихся уверенностью, что их сейчас ограбят, глядеть с видом «какого черта?!».

Вообще-то субъекты моих габаритов быстро двигаться не должны, не считая боя в клетке, и обычно я веду себя чинно, не угрожая настарбаксенным цивильным, но сегодня ситуация квазиэкстренная, так что я топочу по тротуару к «Медному кольцу». Я говорю «квази», потому что почти уверен, что Майк не станет предпринимать никаких зверств в собственном заведении, плюс если б он хотел убить меня, Зебу вряд ли дали бы возможность уведомить меня загодя.

О наборе моих специальных навыков, как выразился бы любой другой долговязый ирландец, Майку известно все, и у него есть для меня предложение. Готов побиться об заклад, что этот жирный липовый ирландец планирует, как лучше его изложить.

«Вот увидишь, паренек. Я бизнесмен. И то, что у нас нарисовалось, – коммерческая перспектива».

Вот только он говорит «пресс-перктивa». По какой-то причине он не может произнести слово правильно, да я бы и не против, но он втыкает его в каждое второе предложение. Ирландец Майк Мэдден говорит «пресс-перктивa» чаще, чем папа произносит «Иисус». А папа произносит «Иисус» очень часто, особенно когда люди захватывают его врасплох.

А мелочи достают меня взаправду. Я могу снести прямой удар в челюсть, но когда кто-то стучит ногтями по столу или снова и снова неправильно произносит какое-то слово, это бесит меня до чертиков. Я однажды выбил кофе из рук парня в метро, потому что он каждый раз дышал через чашку, прежде чем отхлебнуть. Казалось, что сидишь рядом с Дартом Вейдером, устроившим себе обеденный перерыв. И скажу я вам кое-что еще: три человека зааплодировали.

⁷ «Ревнивый парень» (англ. Jealous Guy) – песня Джона Леннона из альбома «Imagine».

До «Медного кольца» с полмили по ровной местности, так что я вполне мил и ослаблен ко времени, пока добираюсь туда. Я не думаю, что придется разбивать чьи-нибудь черепа, но никогда не повредит заранее размять мышцы. После того как человеку перевалит за сорок, он не может ринуться в бой сразу же. Было время, когда я запросто тащил шестидесятифунтовый рюкзак по пыльному проселку на Ближнем Востоке; теперь же страдаю одышкой, когда выношу мусор. Ну, пожалуй, тут я преувеличиваю. Я могу прекрасно вынести мусор, но просто пытался донести мысль. Уже все из нас не так молоды, как раньше, за исключением мертвых. Они не стареют. А я могу присоединиться к их рядам, если не буду чертовски сосредоточен и не перестану пускаться по этим ментальным касательным.

Пыльные проселки Ближнего Востока? Боже правый!

Майк купил «Медное кольцо» по бросовой цене после того, как предыдущий владелец обнаружил в своей персоне несколько лишних дырок. Заведение классом примерно не уступает прочим клубам в Клойстерсе, округ Эссекс. Фасад выдержан в топорном морском стиле, коснувшемся деревянной облицовки и окон-иллюминаторов, но не тронувшем дверь из крацованного алюминия с несколькими массивными замками, пялящимися сквозь металл, как часовые оправы.

Снаружи стоит мужик, курит. Не такой уж крупный, но злобный и издерганный. А еще этот головорез не так уж рад моему появлению, потому что я как-то раз сделал ему больно. На самом деле повыбивал дерьмо почти из всей шайки-лейки Майка в тот или иной раз, так что если в этом клубе меня и встретят с распростертыми объятьями, то это будут объятья пираний, чующих свежее мясо.

– Йо, Недди, – окликаю я, помахав ему, будто мы приятели по теннису. – Майк меня ждет.

Недди Уилкок дергается, будто ему вlepили затрещину, и я решаю, что ему припомнилась наша прошлая встреча.

– Просто успокойся на хрен, Макэвой, – говорит он, стискивая ладонью воздух перед своим нагрудным карманом. Это потому, что он горит желанием выхватить свою пушку и пристрелить меня, но ему приказано не светиться с оружием на публике.

– Я спокоен, Недди, а вот ты выглядишь малость взвинченным. Тебя тревожит, что вашего численного превосходства надо мной маловато будет?

– У нас твой друг там, внутри, и в рожу ему целят из пистолета, – выпаливает Недди прямо на улице.

Долго смотреть на этого парня я не могу из-за его бороды. Он обзавелся одним из этих веников а-ля фолк-сингеры из «Мидлейк»⁸, густо растущих на лицах крутых в наши дни, и тут все лады, у меня с этим никаких напрягов, я и сам носил расчудесную бороду в девяностых. А морщиться меня заставляет факт, что смахивающие на проволоку волосы из-под носа такой длины, что вплетаются прямо в бороду, и получается, будто борода у него растет прямо из носа. Я вовсе не удивлен, что Майк держит его у дверей; кто же сможет заниматься своим делом, когда эта назальная борода метет по округе? Да вдобавок борода у этого мудака рыжая, так что издали вид такой, будто Недди наcostылял себе по роже и теперь весь в кровище.

Кровоточивая носопаточная борода? Люди – звери.

По пути я искоса бросаю на Уилкока через плечо долгий взгляд, просто чтоб напомнить ему о былых болячках. Нипочем заранее не знаешь, не пойдут ли переговоры наперекосяк; глядишь, он и решит сделать ноги.

⁸ «Мидлейк» (Midlake) – американская рок-группа, специализирующаяся в стиле lo-fi. Не совсем фолк, но что-то похожее есть.

В «Медном кольце» чудесный ковер – шоколадно-коричневый с золотым люрексом. Бархат – самое подходящее слово. А стойка бара тешит глаз полированным грецким орехом, внушая пьянице веру в бармена еще до того, как тот попадется на глаза. Ирландец Майк и восемь его ребятишек сидят в баре, выложив стволы прямо на стол перед собой. А посередке восседает Зебулон Кронски, плетя одну из своих военных баек. По-моему, о том, как мы встретились на восточном базаре около казарм ООН в Ливане, где Зеб организовал подпольный кабинет косметической хирургии, снабжая религиозных фанатиков дермальными филлерами.

– Так вот, ваще. И едва я нацеливаюсь всадить шприц жира в хер мужика из ополченцев, как вваливается Дэниел хилак Макэвой.

Майк смеется, но его головорезы – нет, потому что увидели, как я вхожу. Они вскакивают со своих мест, хватаясь за оружие. Двое мужиков попутали свои волюны и переругиваются, как дети, пока один не доходит до того, что достает фотку своей пушки, которую хранит в бумажнике.

Ситуация очень неловкая.

Майк пытается встать, но осаживает себя. Как ни крути, он все-таки босс.

– Дэниел, паренек! – говорит он. – Присаживайся.

Я крейсирую между столами, обходя их и картографируя местность, фиксируя положение стульев на случай, если мне придется швырнуть пару-тройку из них.

Майк на взводе.

– Да садись же, какого хера! Ты ж не спаниель.

В былые деньки его ребята при этом оборжались бы, но сейчас я величина известная, а это все едино, что горилла без поводка в помещении.

Я сажусь между Майком и баром с прямым видом на дверь и Зебом слева на случай, если мне придется звездануть по его дурной башке, чтобы заставить этот кусок дерьма скатиться вниз.

– Майк, – говорю я, предъявляя ему скорбную физиономию, – весть о твоей матери доставила мне искреннее огорчение.

У Майка к лацкану приколот портрет его старой мамы в креповом бордюрике. Если это и ирландский обычай, то я ни разу о нем не слышал, а я там прожил лет двадцать с лишним.

– Ага, она была замечательной старушкой.

– А почему ты все еще не в самолете?

Майка бросает в краску, будто я сделал деликатный упрек, что он предпочитает торчать здесь, разбираясь со своими обидами, чем погребать на родном пепелище родную же мать. Конечно, именно это я и сделал. Специфика этой ситуации в том, что почти все козыри на руках у Майка. Единственное, что ему неподвластно, – это мой настрой, так что я не намерен сдавать этот последний козырь, пока не припрет.

– Мне в Ирландии будут не так уж рады. У них в таможенной будке есть моя фотка. У меня были кое-какие дела насчет семтекса⁹ с *ребятами*. – При слове «ребятами» он мне подмигивает, и я понимаю, что он говорит о Республиканском движении, хотя упоминание о семтексе и так сориентировало меня в этом направлении.

– Ага, это осложняет дело. Почему бы нам не перейти прямиком к той части, где ты скажешь, зачем я здесь?

Майк любит покрасоваться, так что это требование малость уязвляет его. Боль от этого укола написана у него на лице, хотя картофельная рожа Майка, вылепленная потасовками в

⁹ Семтекс – один из видов пластичной взрывчатки.

барах, при этом смахивает на жирную старую губку, стиснутую какой-то исполинской ладью.

– Все не так-то просто, паренек, – говорит он, касаясь портрета мамы Мэдден на лацкане. – Я горюю. Меня прошибает потом, дерьмом и перепадами настроения. Я не просыхаю со вчерашнего дня.

Его мужики сочувственно бубнят. На слух – будто монахи где-то там вдалеке.

Тут вякает Зеб:

– У меня есть средство на этот счет. Три капсулы два раза в день. Правда, суппозитории, так что совать их надо прям туда.

Тарантино, конечно, мужик, но я вообще-то ни разу не купился на его перестрелки по треугольнику, которые он воткнул пару раз. Кто же может осерчать настолько, чтобы открыть пальбу, когда ствол целит в его собственную башку? Но теперь я начинаю думать, что при наличии где-то в этом треугольнике Зебулона Кронски всем прочим на собственные жизни становится начхать. Зеб может довести далай-ламу до отстрела дельфинов. Вот он я здесь, пытаюсь выпарапать хоть какой-то плацдарм, а он влезает с каким-то дерьмом насчет суппозитория.

– Сделай мне любезность, Майк, – поспешно говорю я. – Убери этого гузнососишку отсюда, пока никто не сорвался.

Майк щелчком пальцев подает знак Недди.

– Ты офигенно прав. Я уже едва не удушил его трижды. Однако жена его любит. Ее чудотворчик Зеб.

Что-то в голове у меня щелкает.

Зеб больше не на крючке.

Только я.

Зеб расстарался, не только обесценив себя в глазах Майка, но и сделав себя со своей ботоксной иглой незаменимым для миссис Мэдден. Может, он все же относится к собственной жизни не так безалаберно, как я думал.

Недди выволакивает Зеба прочь, а тот всю дорогу пытается встретиться со мной взглядом, но я – ноль внимания, фунт презрения. Зеб уже вел игру, и все время играл так, будто мы с ним на одной лунке.

– Да брось, Дэниел. Дэни, дружок. В чем дело-то?

В голосе Зеба появились ноющие нотки вины. Он знает, мля. Хотелось бы мне, чтобы он знал, что я знаю, какого рода типичные инфантильные отношения мы поддерживаем, так что я выдаю ему вспышку своего гнева.

– Вашему брату, что, Иисус не нравится, правда? А как насчет Иуды? Он-то в ваших книжках есть?

Надо воздать Зебу должное, актер он неплохой. Он разыгрывает, что «шокирован» и «уязвлен до глубины души» весьма приемлемо. Сперва вся его голова отдергивается под напором моих слов, затем глаза его наполняются болью. Не так уж убого.

– Что ты там сказал, Дэн? Отвечай.

Вот тут-то представление Зеба и расползается по швам. Всякий, кто знаком с доктором Кронски, прекрасно знает, что его отклик на любое огульное обвинение являет собой двуязычную ектению из вариаций выражения «мять твою мать».

Я смотрю ему глаза в глаза.

– Ты выпадаешь из роли, Зеб. Ты потерял мотивацию.

Он все еще разевает рот, когда Недди выпихивает его из вертящихся дверей, и я не могу поверить, что несколько раз рисковал собственной головой ради этого неблагодарного. Благодарности я не жду, но был бы признателен за капельку солидарности.

Когда Зеб удаляется, изрядная толика крейзы удаляется с ним вкупе, и даже можно уверовать, что мы с Майком можем потолковать *mano a mano*¹⁰, когда Майк вдруг говорит:

– Дэниел. Я понимаю, что мы малек увязли, но по-моему, мы должны высматривать тут пресс-перктиву.

Пресс-перктива. Я скриплю зубами. Мне надо заключить тут наилучшую сделку, и лопаться от злости из-за неправильного произношения – какое-то ребячество. Так что я не хлопаю Майка по его сальным брылям. А вместо того говорю:

– Майк. Ты горюешь, мужик. Ты только что утратил маму, а это серьезная травма для всякого, но только для нас, ирландцев, это сокрушительное потрясение.

Довольно хорошо, а? Я отрепетировал это по пути сюда.

– Вот именно, Дэн. Сокрушительное. Не в бровь, а в глаз. – Майк ощупывает креп на лацкане. – Но мы в долгу перед мертвыми, и этот долг – продолжать жить. Мы уважаем тех, кто идет дальше, вцепившись жизни в глотку, так сказать.

Смахивает на то, что репетировал не я один. Я немножко киваю, вроде как впитывая мудрость слов Майка, но на самом деле прикидывая, удастся ли мне запустить пальцы в его жирную шею, прежде чем его парни меня расстреляют. Сомнительно. Нас разделяют стол и расстояние в десять футов.

– Вот как обстоит, Дэниел, – говорит Майк. – У меня имеется предложение. Это настоящая пресс-перктива для тебя выбраться из ничтожества.

Он снова это произнес, и лицо у меня передергивается, будто мне дали оплеуху.

– Из ничтожества? И до какого величия?

– Из такого ничтожества, что мне больше не придется тебя убивать.

– Ты хочешь сказать, меня и Зеба?

Майк кривится-ухмыляется, как будто не владеет собой.

– Ну, не то чтобы так уж Зеба. Он вроде ручного докторишки миссис Мэдден. Теперь у нее больше друзей. Все победители. Но ты – тебя можно списать в расход.

Изумительно. Меня можно списать в расход. А когда со мной было иначе? Это нако-рябают на мешке для трупов, в котором меня похоронят. Как-там-его списан в расход.

– Вот оно что? Тебе больше не придется меня убивать? А как же «крыша» для клуба? Она не на кону?

Майк смеется:

– Нет. Даже близко не лежала. У нее даже почтовый индекс не тот, что у долбаного кона.

Это хорошая новость, потому что если бы Майк не ожидал, что я переживу отказ от его предложения, он не выставил бы на обсуждение месячное жалованье. Почему бы и нет? Опять же, мною могут и играть.

Майк откашливается для пространной речи.

– Ты должен спросить себя, Дэн, а почему мистер Мэдден дает мне пресс-перктиву свести счеты?

Полная неразбериха: Майк говорит о себе в третьем лице, зато обо мне в первом.

– Стоит ли мне принять эту пресс-перктиву? – продолжает Майк. – Или мне надо швырнуть эту пресс-перктиву ему в лицо?

Наверное, ты надо мной издеваешься. Я чувствую биение жилки на виске.

– Потому что пресс-перктивы вроде этой подворачиваются не каждый день.

А-а-а-а! Надо с этим покончить. Надо заговорить.

– Майк, позволь мне задать тебе вопрос.

¹⁰ Mano a mano (*исп.*) – букв.: рука к руке, т. е. один на один, на равных.

В голове Майк уже на два абзаца опережает свой монолог, так что от этого у него перехватывает дыхание в горле. Я спешу пропахать дальше, прежде чем он сумеет найти очередной благовидный предлог сказать «пресс-перктив».

– Что ты тут делаешь?

Майк щурит свои глазки-бусинки, и на миг они совершенно скрываются в его физиономии, покрытой лопнувшими сосудами.

– А что любой из нас тут делает, Дэниел?

– Нет. Я имею в виду, что ты делаешь *тут*? В Клойстерсе. Нью-Джерси – штат итальянский. В Джерси нет ирландских банд. Ты как чирей на жопе супермодели, Майк. Ты не вписываешься.

Стул Майка скрипит, когда он откидывается на спинку, и я могу окинуть взглядом всю его корпулентную фигуру, которая лет пять назад могла внушать страх. Теперь же я вижу стареющего запойного пьяницу, втиснутого в дорогой костюм, пропитанный его потом до полной потери класса. Он еще силен, но если злоупотребит своей силой, его может хватить инфаркт. По моему непросвещенному мнению, у Майка в запасе от силы лет пять, прежде чем его сердце лопнет от беконного сала. Может, я мог бы ускорить этот процесс, просто оставив Зеба в этом зале.

– Итальянцы не хотят елдыкаться со мной, – наконец говорит он, действительно отвечая на мой вопрос, хоть и неискренне. – Городишко у нас тихий, паренек, и он не стоит кровопролития.

– Ага, пожалуй, – бросаю я небрежно, подразумевая, что Майк в самом деле мог бы причинить итальянской шайке серьезный урон.

Ну, может показаться, что этот незатейливый комментарий не в ладах со вздорными аргументами, которые я изливаю, но у меня есть метод. Еще в промежутке между турне по Ближнему Востоку с ирландской армией приписанный ко мне мозгоправ доктор Саймон Мориарти дал мне пару советов, как попытаться справиться с имевшимися у меня проблемами с властью предрежащими. Прямо так и вижу его вытянувшимся на кушетке в кабинете, где следовало бы лежать мне, курящим толстую сигару и стряхивающим пепел в кружку, балансирующую на его фанатской футболке группы «Рэмоунз»¹¹.

«Видишь ли, Дэн. Твой средний начальник проложил дорогу наверх кулаками и локтями, так что в глубине души считает, что не заслуживает этого положения. Так что сперва выдай ему парочку тщательно выстроенных оскорблений, просто чтобы показать, что ума тебе не занимать. Затем, когда он будет хорошенько запуган, начинай по капле выдавать комплименты. Пару недель подобной байды, и он будет есть у тебя с ладони».

Пару недель у меня нет, так что придется положиться на то, что оскорбительный фундамент Зеб уже заложил.

– Не, итальянцы сюда не заявятся, – продолжал Майк, подравнивая свою плоскую кепку на манер, наверное, призванный передать его беспощадный настрой по отношению к итальянским гангстерам. – Это вроде как со спартанцами. Сразу много их сюда набиться не может, и мы можем валить спагеттиО день-деньской.

СпагеттиО. Миленько.

– Люди у тебя определенно имеются, – говорю я, встраивая очередное оскорбление в комплимент.

Люди Майка играют мускулами, заставляя свои куртки поскрипывать.

– С другой стороны, я повыбил дерьмо из большинства этих мужиков в одиночку, дважды, раненый, пару месяцев назад. Наверное, сейчас смогу вырубить четверых или пятерых из них, если придется.

¹¹ «Рэмоунз» (англ. Ramones) – американская панк-рок-группа, одна из провозвестниц этого стиля.

К этому Майк готов.

– О нет, паренек. Больше нас за шкирман не схватишь. Келвин прямо сейчас нарисовал на твоём черепе красную точку.

И вовсе не в буддистском смысле, прикинул я.

Келвин. Я его помню. Молодой парнишка, весь в своих полицейских процедурах. С невозмутимым видом мелет вздор вроде «трасологические улики» и «типирование ДНК». Майк его обожает. В прошлом году он повысил мальчонку до номера второго. И вдруг я готов поклясться, что чувствую на затылке лазерную точку.

– Лады, тогда давай прямо к сути. Что я здесь делаю?

– Ты имеешь в виду метафизически? – говорит Майк, доказывая, что люди всегда могут тебя удивить.

– Нет. В смысле, зачем я сижу в твоём новом клубе, когда должен находиться в своём, занимаясь реконструкцией, чтобы ты мог поднять свои тарифы?

– Ты здесь, потому что я задолжал тебе убийство. Ты задержал всю мою деятельность на многие месяцы. Дьявол, паренек, ты отправил моего подручника в землю. Ты видел пресс-перктиву сделать мне больно, и ты воспользовался этой пр...

Я не могу этого снести. Будь он проклят, мой вспыльчивый нрав.

– погоди-ка секундочку, *паренек*. Думаешь, я хотел угрожать твоего парня? Думаешь, это не лишило меня сна? Я дал ему все шансы уйти на своих двоих – так нет, твой звезданутый подручник полез на меня с заточкой, и мне пришлось обороняться. Я увидел *пресс-перктиву* выжить и воспользовался ею.

Келвин хихикает и тотчас же извиняется:

– Извини, Майк. Он сказал то слово. Ну, знаешь, которое ты говоришь, прям как ты говоришь.

Майк расстроен, что вся беседа катится не так, как он рассчитывал.

– Какое слово, Келвин? Какое это еще елдыканое слово?

Я спасаю задницу Келвина.

– Да ты заноза, Майк, знаешь ты это? Всегда пытаешься найти предлог для своего фуфла. Ты собираешься убить меня и сжечь мой клуб, если я не сделаю чего-то там для тебя, правда ведь? Так что просто скажи мне, что такое это что-то.

В этот момент я явно бросил свою психологическую тактику. Надолго меня не хватило. Преждевременное раздражение.

– Может, я просто убью тебя, – говорит Майк, осерчавший, что оказался предсказуемым. – Об этом ты никогда не думал?

– Нет, Майк. Потому что если б я был нужен тебе в виде трупа, тогда четверо или пятеро твоих парней оказались бы в больнице, а у меня заимелись бы неглубокие раны. Быть может.

Эта реплика переполняет лимит дерьма Майка, и он на секунду прикрывает глаза. А когда открывает их снова, мы лицезрим Темного Майка. Майка Беспощадного. Этот тип сбросил лоск цивилизации, как змея сбрасывает мертвую кожу. Ирландец Майк несет в себе расовую память кровавой революции, тюремных протестов и пырлялова в темных переулках, и пара десятков лет в Нью-Джерси с вклиненными периодическими паломничествами на бродвейские представления надолго затушевать ее не могут.

– Лады, знаешь что? Пошел ты на хер, Дэн. Пошел на хер. У меня разыгрывается херова мигрень слушать твоё херово дерьмо.

Какая уйма херов ни с того ни с сего. Когда я был вышибалой на полную ставку, я выдвинул гипотезу, утверждавшую, что между числом «херов» в предложении и неотвратимостью того, что херомёт полезет в драку, существует четкая корреляция. Четыре хера, и пора вытаскивать руки из карманов.

Атмосфера явственно накаляется. Мальчики Майка клонятся внутрь, будто высокие цветы, тянущиеся к солнцу. Они чувствуют, что время отрабатывать свою зарплату не за горами.

– Вот как все обстоит, понял? – говорит Майк. Губы его покрывают капельки слюны. – Этот город принадлежит мне, а ты мне недвусмысленно задолжал, Макэвой. Поворачивай это, как знаешь. Так вот, у тебя есть два способа выбраться из этой ямы. Либо Келвин продырявит тебе башку прямо сейчас и мне придется мыть пол «Хлороксом», либо мне нужен болван для доставки пакета парню по фамилии Ши в Сохо, который может быть малость вспыльчив. Вот. Два варианта. А или В, никакого С. Ой, вообще-то погоди. Есть вариант С. Вариант С – это Келвин сперва стреляет тебе по яйцам, а потом стреляет в голову.

Похоже, вариант В менее чреват незамедлительной ликвидацией, чем остальные. Впрочем, выглядит чересчур просто: доставить пакет к типу, который может быть малость раздражителен?

Малость раздражителен. Бьюсь об заклад, это преуменьшение века.

Все это чушь собачья.

Вероятно, Майк выдвигает меня на роль величайшего козла отпущения в истории. Я могу кончить с более одурелым видом, чем троянские мужики, которые приволокли полую деревянную лошадь в свой до недавнего времени осажденный город, дали страже выходной, а себе устроили пьяную оргию. Впрочем, есть тут и плюс: одуревшим я буду выглядеть недолго, потому что скорая смерть наверняка будет наступать зачинающемуся одурению на пятки.

– Нет, Майк. В жопу это. Попытаю судьбу прям сейчас. Почему бы нам не разыграть сценарий про бой насмерть? Я буду класть твоих ребятишек по паре зараз.

Майк лезет в карман и достает пакетик кокаина, высыпает на ладонь и просто слизывает, будто осел, лопающий сахар.

– Мне нужно было как-нибудь снять напряжение, – говорит он после минутной отключки. – А иначе, паренек, я просто убил бы тебя и насрал на это. Думаешь, я не знаю, что ты среешь мелким бисером? Ты можешь хамить мне хоть до Судного дня, но правда в том, что ты напуган, и чувствовать себя так сейчас – самая умная штука.

Блям. Похоже, кокаин прочистил Майку мозги.

– Ага, я напуган, но я не стану скакать из этого огня да прям в твои поляны. Мне нужно больше подробностей. Что в пакете? Откуда мне знать, что этот тип Ши не пристрелит меня на месте?

– Пакет могу доставить и я, мистер Мэдден, – говорит Келвин, жаждущий любой ценой вскарабкаться обратно на лестницу популярности после злополучного «пресс-перктивного» смешка.

Майк трет глаза своими толстыми большими пальцами.

– Нет, Келвин. Ты мой парень, и ты нужен мне здесь. Ши – просто оголенный провод под напряжением, так что мне нужен миротворец. – Он смотрит на меня. – Ты ведь миротворец, а, Макэвой?

Майк вытаскивает из выдвижного ящика конверт, достает его содержимое и разворачивает веером на столе.

– Облигации на предъявителя, Макэвой. На сумму двести тысяч долларов. Это лучше наличных. Я задолжал этому типу Ши, и именно так он хочет получить оплату. Этим хероинам полсотни лет, и они повидали больше крови, чем залив Свиней, – и все же они чисты до скрипа, а возить их легче, чем деньги. Я хочу, чтобы ты взял эти облигации и доставил их мистеру Ши в эту отель в Сохо посреди дня. Вот так вот просто. Сделаешь одно только это без своих хитрожопых приколов, и по-моему, ты уже на двадцать пять процентов выбрался из ямы.

– Двадцать пять процентов – туфта, – говорю я. – Пусть хотя бы пятьдесят.

– Конечно, – откликается Майк с кривой усмешкой. – Насрать, пусть будет пятьдесят. Проклятье, Майк Мэдден мной играет.

– А что, если я твое предложение отвергну?

– Сам знаешь что.

– Скажи мне. Выкладывай, тут никаких подвохов, а?

Майк вылизывает складки ладони, и я впервые замечаю, что этот человек горюет вполне искренне, на свой извращенный лад. Когда некоторые типы впадают в тоску, им нипочем не полегчает, пока они не увидят, что кому-то даже хуже, чем им.

– Если ты не сделаешь этого для меня, то я уж тебе кое-что сделаю, или этой вольтанутой Софии, что ты пригред под крылышком, а может, этому твоему напарнику. Не знаю. Что-нибудь. Сейчас я об этом толком подумать не могу, но это будет что-то жестокое, абсолютно несоразмерное тому, что ты задолжал. Вернее этого только облигации на предъявителя. – Зрачки Майка сужаются в булавочные проколы. – Так что стереги эти облигации, будто от них зависит твоя жизнь.

Как и есть на самом деле.

Говорить ему это не обязательно, я и сам могу додумать.

Глава 2

Мой день только что невероятно осложнился, и я не могу избавиться от ощущения, что в изрядной степени благодаря чаше яда дружбы с доктором Зебулоном Кронски. Но моему языку придется взвалить часть ответственности и на себя. Всякий раз, когда мне приходится сталкиваться с Майком лицом к лицу, я обнаруживаю, что не могу не огрызаться и не глумиться. Когда я слишком на взводе, мой язык вроде как начинает действовать независимо от сознания, съезживающегося, как кусок вырезки на раскаленном камне. Саймон Мориарти, мой бывший мозгоправ, прокомментировал эту тенденцию во время одного из наших сеансов, когда я претендовал на юмор, чтобы приукрасить собственный боевой посттравматический синдром.

– У тебя две проблемы, сержант Макэвой, – сказал он мне, пока я стоял у окна, озирая плац.

– Всего две? – помнится, сказал я. – Наконец-то мы стронулись с мертвой точки.

– Ты наблюдаешь одну из своих проблем прямо сейчас. Сплошной треп. Словесный понос.

– Словесный понос? Обосраться, – произносит мой язык.

Саймон хлопнул в ладоши.

– Ну вот, опять. Профессиональным языком говоря, эта навязчивая реакция называется отрицанием. Ты используешь ее как механизм адаптации.

– Отрицание... Слово слишком сложное для ничтожного сержанта, доктор.

– Время от времени ты бываешь отчасти занятен, но как раз сейчас ты попусту тратишь собственное время.

Я смягчился:

– Лады, Саймон. Поведайте же мне.

– Отрицание – классический оборонительный механизм. Он защищает эго от вещей, совладать с которыми индивидуум не способен. Так что пациент, по существу, отказывается поверить, что переживает стресс, и могу вообразить, что ты сыплешь остротами в любой стрессовой ситуации, даже не сознавая этого. И чем опаснее ситуация, тем больше ты ерничаешь.

Я поразмыслил над этим. Несомненно, я вправду частенько спускаю язык с поводка и стреляю себе же в ногу. Я-то думал, что это бравада, нечто эдакое, чем остальные неохотно восхищаются.

И тут меня осенило.

– Эй, док! Вы сказали, что у меня есть и другая проблема?

– Совершенно верно.

– А мне-то поведать планируете?

Подкатив к окну в своем офисном кресле, Саймон закурил черуту, выпустив дым за окно.

– Твоя вторая проблема в том, что получается не очень смешно, а народ терпит ерничанье лишь тогда, когда оно забавляет.

Это меня уязвило. Про себя я украдкой всегда считал себя остроумным.

* * *

Зеб в коридоре умоляет Недди врезать ему в живот.

– Ну же, мужик, садани мне, – уговаривает он, задирая рубашку, чтобы явить взорам живот, столь же рельефный, как полиэтиленовый пакет с молоком. – Просто так. Я работал с DVD-дисками Зум Супермастера «Тренер звезд». Ты не сможешь сделать мне больно, даже если захочешь. Этот пресс тверже камня.

Я вижу, что мозги Недди Уилкока просто плавятся. Обычно люди не просят нападать на них, однако наняли-то его как раз делать людям больно. Я вывожу обоих из затруднения, по пути походя заехав Зебу в солнечное сплетение. Он рушится бездыханным мешком, и я не могу сказать, что на губах у меня не играет усмешка.

– Тебе следует попросить деньги за эти DVD обратно, Зеб, – бросаю я на ходу, и снимай это кто-нибудь на пленку, выглядело бы круто.

Меня подмывает остановиться и поглядеть, как Зеб извивается на ковре, но с меня довольно и услышать, как он блюет.

Я успеваю отойти на два квартала, прежде чем он ухитрится поравняться со мной на своем «Приусе». Кто-то ляпнул Зебу, что Леонардо¹² водит «Приус», и этого оказалось достаточно.

– Какого хера, ирландец? Ты испытываешь нашу дружбу на прочность.

Я шагаю дальше. Не лезь в дебаты с Зебом Кронски, а то рехнешься. Что не мешает мне думать, что я мог бы ответить.

Я испытываю нашу дружбу на прочность?! Я?! Из-за тебя мне придется доставить разнесчастный конверт раздражительному типу в Сохо. Из-за тебя я снова влип, зависнув между жизнью и смертью. А жизнь-то моя – да и смерть, наверное, тоже.

– Я-то думал, мы команда, Дэн. *Semper fi*¹³, брателло.

Semper fi, бодать мою ирландскую сраку. Он был медиком в израильской армии, а я – миротворцем ООН. Никаких морпехов между нами.

Я шагаю вдоль квартала, а он катит рядом, как сортир на колесах.

– Это из-за старушки Майка? Ладушки, я тут пытался наладить отношения, но потом я собирался ввести тебя, чтобы заложить изумрудную трубу¹⁴. Я делал это для нас обоих.

Я скриплю зубами. *Правда? Для нас обоих? Так как же получилось, что у меня в кармане этот конверт, а ты целишься впрыскивать домохозяйкам Джерси дешевый японский филлер? Как-то оно несправедливо.*

Зеб закуривает толстую сигару, наполняя интерьер «Тойоты» голубым дымом.

– Я думаю с дальним прицелом. Я пользую сучек Майка уже пару лет, и мы в шоколаде. Как насчет того, откуда я знаю, что миссис Мэдден устроила себе долбаное электроубийство?

Еще пара кварталов, и я в казино, а Зеб обнаружит, что в «Слотц» ему вход закрыт.

– Пряма не верится, что ты мне врзал, – вещает Зеб, напрочь не способный предаваться раскаянию слишком долго. – Я-то думал, что ты мой *бобеши*.

Я уж начинаю верить, что Зеб выдает эти невероятно непрорубаемые заявления, просто чтобы спровоцировать меня на драку. Если план в этом, то срабатывает он всякий раз.

Я делаю два стремительных шага к окну «Приуса».

– Не можешь поверить, что я тебе врзал? – ору я, привлекая взоры кучек утренних перекурщиков на тротуарах. – Ты умолял, чтобы тебе врзали. Господи правый, ты даже рубашку свою задрал!

¹² Речь о Леонардо Ди Каприо.

¹³ Сокращенно-жаргонная версия фразы *Semper fidelis*, означающей «Всегда верен» и являющейся девизом сил морской пехоты США.

¹⁴ Атрибут игры BuildCraft.

– Я же не просил, чтобы мне врезал *ты*, – возражает Зеб. – Тот, другой тип был просто рулет с вареньем. Его удар мой пресс выдержал бы.

Я меняю галс.

– А *бобеши*? – интересуюсь я, хлопнув ладонью по «Тойоте». – Это-то вправду?

– Эй! – вскидывается Зеб. – Полегче с машиной! Ты что, против окружающей среды?

– Я долбанный ирландский католик, но даже я знаю, что «бобеши» значит «бабушка». Теперь я твоя бабуля?

Зеб ни капельки не раскаивается.

– Пациентам нравится идиш, так что я время от времени втыкаю словечко-другое. Это придает мне мудрости, что ли. Я просто хотел затронуть гребаную семейную струнку, будто мы братья. Правду сказать, я скорее по части иврита, Дэн. Так ты что, из-за этого дуешься? Я не знаю идиш?

Спорить с этим типом – что бродить по чертову лабиринту. Будто держать угря, ежели простите мне коверкание метафор.

Я опираюсь на минутку на авто, чувствуя его мягкое тарыхтение лбом, потом выпрямляюсь.

– Лады. Ступай домой, Зеб.

– А мы в порядке?

– Ага. В шоколаде. Как угодно. Просто выбрось из головы.

Зеб стряхивает пепел на асфальт.

– А как мой акцент?

Я уложен на лопатки, и он это знает.

– Твой акцент?

– Ты сказал, что мой ирландский акцент – отстой. Я над этим работал, мужик. Я смотрел «Далеко-далеко»¹⁵ дважды. – Он кроит рожу, призванную изобразить Тома Круза. – Ты приколист, Шеннон, – интонирует он. – Какой же ты приколист.

Мне впору рухнуть на асфальт. Я могу к ночи отправиться на тот свет, а этот елдак носится с ушибленным эго.

– Это хорошо, – говорю я ради мира. – Просто жуть.

Взгляд Зеба устремлен вдаль.

– Я мог бы сыграть эту роль просто обубенно.

– Может, они сделают перезапуск, – бросаю я.

Мне этот термин знаком, потому что мы с Зебом массу своего времени, как два холостых козла среднего возраста, проводим за просмотром телика. Насколько это круто и авангардно? Большинство наших цитат и любимых эпизодов принадлежат вопиюще отмененным сериалам «Терьеры»¹⁶ и «Дэдвуд»¹⁷.

«Шалав трахают».

Классика.

Какого черта кому-то пришло в голову снимать с показа «Дэдвуд»? Если этот тип когда-нибудь зайвится в мой клуб, ему лучше прихватить с собой рейтинги популярности.

Зеб вскидывается:

– Перезапуск. Ыгы мля!

– Ыгы мля, – устало соглашаюсь я.

¹⁵ «Далеко-далеко» (англ. Far and Away).

¹⁶ «Терьеры» – криминальный комедийно-драматический сериал, выходивший лишь один сезон. В нем бывший полицейский, лечащийся от алкоголизма, Хэнк Долуорт на пару со своим лучшим другом, бывшим преступником Бриттом Поллаком, занимается частным сыском без лицензии.

¹⁷ «Дэдвуд» – сериал о Диком Западе.

Узрев эту перспективу перед собой, Зеб дает «Приусу» по газам и несется по улице со скоростью четырехлетки на роликах, а я уже не в первый раз гадаю, не будет ли моя жизнь без него менее жалкой.

Былы мя.

* * *

На обшарпанном конце переулочка ночных клубов Клойстерс находится «Слотц». Мое царство. Где-то без двух минут бордель – большинство ночей.

Я выиграл аренду этого заведения в покер пару месяцев назад и подумал, что мог бы заодно занять квартиру, расположенную над клубом, раз уж я и так за нее плачу. Предыдущий арендатор жил в другом месте, но держал апартаменты в качестве, как он нежно выразился, траходрома. Можете смело поставить последний цент на то, что я привел команду профессиональных уборщиков с пароочистителями, дабы они выгребли дерьмо из комнат, прежде чем переехать, но оставил себе водяной матрас и джакузи, работающую – подумать только – от монет. Держу пари, если б Майк знал о джакузи с монетоприемником, он непременно захотел бы отхватить кусочек. Я понимаю, что крыша – неизбежное зло, но эти субъекты, похоже, не осознают, что на дворе рецессия.

Зеба идея джакузи не вдохновила.

«Гребаные малафейные бассейны, – проинформировал он меня однажды ночью, когда сумел закадрить в клубе классную дамочку, и я галантно предложил обоим горсть мелочи, чтобы побарахтаться в моей люксовой моторизованной ванне. – Как ты думаешь, что там творится под этими пузырями? И часто ли ты чистишь трубы? Эта перламутровая слякоть, наверное, уже проникла в систему водоснабжения. А мы там заглатываем головастиков какого-то типа, облизываемся и говорим “ням-ням”».

Наверное, чтобы быть врачом, ум не требуется.

Я пытаюсь относиться к «Слотцу» с позитивом, но это трудновато, потому что призрак сраной дыры все еще витает над ним. Это заведение было помойкой десятков лет, а еще два десятка до того – сортиром, но мы пытаемся переломить ситуацию. Я и мой деловой партнер Джейсон Дайал.

Надо воздать Джейсону должное, изрядную часть работы тянет он. Этот парень стал для меня открытием и даром божьим. А если это и малость чересчур, то лишь потому, что Джейсон – гей, и я склонен перехваливать его, только бы выказать, как мне на это обстоятельство накласть. Я смущаюсь, когда он начинает муссировать словечки вроде «пидор» и «гомик», но Джейсон говорит, что в этом деле так давно, что считает себя вправе теперь малость попидорасить.

«В безопасном окружении я принцесса, Дэнни, – сказал он мне пару месяцев назад. – Так что сейчас ты насладишься лицемерием настоящего меня».

«Отымись», – отрезал я, замахиваясь, отчего он застыл как вкопанный.

С той поры я воздерживаюсь от рукомашества.

Так что как бы там ни было, Джейсон был моим партнером несколько лет с той поры, как мы стали придверными в этом заведении. Я всегда знал, что на него можно положиться, но не знал, что у него еще и прирожденная деловая сметка, и притом он умеет обращаться с инструментом – и это не эвфемизм. Я простоял рядом с этим мужиком на крыльце добрую часть десятилетия под дождем и снегом, придерживая двери для торчков и извращенцев, и ни черта о нем не ведал. Опять же, и он обо мне ведал квадратный корень из ни черта. Но теперь мы бизнес-партнеры, заинтересованы в будущем друг друга, так что в уравнение вошло взаимное доверие. На повседневной основе это тешит душу, но в долгосрочной пер-

спективе дело скверно, потому что теперь Майк привлек наказывать меня за грехи кого-то другого.

Итак, София, моя типа подружка по хорошим для нее дням.

Доктор Зеб, мой приятель мирного времени из ливанского района боевых действий.

И Джейсон, мой помавающий инструментами бизнес-партнер.

Уже три друга. Я превращаюсь в мисс Популярность.

Заметив меня входящим в парадную дверь, Джейсон спускается со стремянки и приветствует меня.

– Эгей, начальничек. Наконец вернулся, а то я уж разволновался.

– Поменьше язвительности, Джей. Да к тому ж теперь мы партнеры, забыл разве?

В джинсе и каске Джейсон смахивает на футбольного полузащитника, и я знаю, что будь Зеб здесь, он бы непременно спросил, привел ли Джейсон в клуб остальных «Виллидж пипл»¹⁸, и Джейсон хохотал бы до усрачки. Мне же остается лишь уповать достичь подобной непринужденности.

– Ага, партнеры. Я делаю всю работу, а ты устаиваешь нас своим присутствием, когда день уже на исходе.

– Извини, Джей. Больше не повторится.

Джейсон отлепляет от шлема листочек «Пост-ит», вероятно наклеенный туда Марко – его возлюбленным и нашим старшим барменом.

– Вот список дел на сегодня.

Я вешаю свою кожаную куртку на стойку.

– Изложи вкратце, Джей. Мне надо умыться и бежать. Проблема от Майка.

Джейсон рычит, и я вижу брильянтик, сверкающий в его резце; и не думаю, что есть на земле хоть одна живая душа, способная употребить термин «принцесса», чтобы описать его прямо сейчас.

– Этот тип Майк – заноза у нас в заднице, Дэн. Брось. Мы кое-что умеем; думаю, мы можем позвать пару человек и убрать его.

Джейсон знает уйму всего о бухгалтерии и реконструкции интерьеров и, может быть, способен очень даже недурно раскалывать черепа, но он ни фига не знает о тактике, и я имею в виду не нажатие на спусковой крючок, а способность примириться с самим собой после этого.

– Никто никого не будет *убирать*, Джей. Мне надо выполнить поручение Майка. А ты продолжай тут разгром.

Джейсон надувает губы, что для меня в новинку.

– Это не просто разгром, Дэнни. Когда мы закончим, эта помойка станет дворцом. Во всем помещении будет открытая планировка. Клянусь, я мог бы разодрать эти перегородки собственными зубами, и самое приятное, что нам даже не требуется разрешение, потому что на исходных чертежах их нет.

Роль партнера стала для Джейсона настоящей дозой в вену. Он делает все с энтузиазмом пятилетки, подсевшего на «Скиттлс».

– Замечательно. Так что же у нас на сегодня?

Это безумие; я треплю языком, будто это самый обычный день, когда мне надо доставить двести косарей в доисторической валюте, прожигающей у меня в кармане дыру. Мне приходит на ум, что с Майка станется послать за мной кого-нибудь, чтобы стибрить его соб-

¹⁸ «Виллидж пипл» (англ. Village People) – американская диско-группа, славившаяся своими сценическими костюмами, изображающими основные американские стереотипы. Среди них – строитель в джинсе и каске. Упоминание Гринвич-Виллидж в названии не случайно: этот район известен тем, что там селится много геев.

ственные облигации и подставить меня перед Ши. Так он одним махом избавится от долга перед этим типом и переложит риск подкрадываться ко мне на кого-то другого.

Джейсон расхаживает со мной, будто мы пребываем в коридорах власти, и я пытаюсь сосредоточиться на том, что он говорит.

– Сегодня мы проламываемся из задней комнаты к рулетке. Это практически удваивает нашу площадь. Я привлек пару ребят помочь. Чудненько подмалевать зеленой и желтой краской. – Он многозначительно смотрит на меня. – Тебя устраивают эти цвета, так?

Прямо сейчас оттенки эмульсионки стоят где-то в самом конце списка моих забот.

– Разумеется. Почему бы нет? И при этом к пятнице мы все равно откроемся?

– Будет малость не закончено, но открыться мы можем, разумеется.

– Хорошо. Молодца!

Это правда. Джейсон молодец. Без него и его сети доброй воли мы не могли бы позволить себе обновить краску.

Я собираюсь позволить себе секунд на пять мыслить позитивно, так что имитирую прямой удар, а Джейсон имитирует блок.

– Я полон высоких чаяний, Джей. Не исключено, что мы сможем заработать на хлеб. Все мы.

– Насрать на хлеб, – отзывается Джейсон. – Мы сорвем банк.

Я морщусь. Это ирландско-католический упреждающий укол совести любому выражению оптимизма. Гордость приходит перед падением. У еврейской нации то же самое, как выражается Зеб: «Как только начинаешь залупаться, тебе сразу делают обрезание».

Как и многие высказывания Зеба, тщательного рассмотрения оно не выдерживает, но мысль доносит.

Плюс к тому даже банки в наши дни банка не срывают.

* * *

У меня есть что-то типа плана по поводу ситуации Майк-облигации-на-предъявителя. Смотраться наверх в свои апартаменты, помыться и обуть говнодавы. Метнуться на автобусную станцию, выбрать ствол из моего тайника и автобусом доехать до города. Может, сойду на Спринг и перехвачу кусок в «Бенс»¹⁹, но это не на первом месте и удастся, только если я буду жив, а очередь из туристов не будет виться вокруг квартала.

План весьма поспешный и неряшливый, но я полагаю, что в автобусе у меня будет уйма времени вылизать его до тонкостей.

Однако срываются даже самые тщательные планы, а уж состряпанные кое-как – и того быстрее. Душ и переодевание проходят в точности как виделось, но этап «ствол-автобус-пицца» моей стратегии выдерживает ровно пять шагов от клуба, когда я замечаю полицейский седан без опознавательных знаков, тархтящий на холостом ходу у гидранта напротив. Двоих «фараонов» внутри я опознаю по форме голов. Парочка дуrolомов-детективов по фамилии Кригер и Фортц, о которых лейтенант Ронел Дикон однажды проинформировала меня, что они не способны найти собственные елды с помощью зеркал и елдоскопа, что меня тогда прикололо. Сейчас же уровень их некомпетентности кажется мне зловещим. Фортц выглядит так, будто нахлобучил шлем, а Кригер со своей длинной шеей и крохотной черепушкой вполне мог бы носить на плечах электролампочку.

«Может, они ищут не меня», – думаю я.

Ага, и может быть, если бы у Зебова дядюшки Морта была голощелка и так далее.

¹⁹ «Бенс» (Ben's) – сеть кошерных кулинарий, закусочных и ресторанов.

Заметив меня в зеркале, Кригер предпринимает попытку небрежно выбраться из машины, что сделать трудновато, когда твой партнер припарковался аккуратно у гидранта. Кригер успевает порядком побить дверную панель, прежде чем сообщает, что заперт.

Если б мне хотелось перекинуться с этими ребятами словом-другим, это стало бы прекрасной отправной точкой, но после утреннего обмена любезностями я чувствую себя малость пообтрепавшимся, да плюс в нагрудном кармане у меня лежит конверт с крупными номиналами, каковые почти наверняка приобретены не по легальным каналам. В свете этих соображений я решаю играть с этими отморозками в открытую, какую бы пургу они ни несли.

Фортц выскальзывает с водительской стороны, но держит дистанцию. Наверное, словечко о том, что я умею недурно вырубать, уже разлетелось.

– Утро, – бурчит Фортц, пряча свою тушу за дверцей. – Или уже день?

– Послезавтрак, – отвечаю я, весь из себя культурный.

– Ничего так, – констатирует Фортц, распахивая бумажник, чтобы я вволю налюбовался его удостоверением. – Я детектив Фортц, а этот болван, пытающийся выбраться из машины, – детектив Кригер, – говорит он, запустив большой палец под ремень и держа одну руку поближе к кобуре. – А вы Макэвой, правильно?

Особого смысла отрицать нет.

– Это буду я, полицейский детектив Фортц. Чем могу служить?

Фортц – ходячее доказательство того, что эволюция идет в обоих направлениях. У него вышеупомянутый вид головы в шлеме, причем скальп у него сияет, будто отполированный шар для боулинга. Насколько могу видеть, у него нет ни волоска, а этим чертам место на куда более мелком личике. Будто голова у него продолжала расти, а вот глаза, нос и рот решили на это забить лет в пятнадцать. Когда он молчит, язык у него чуточку высовывается, а другая моя придверная гипотеза гласит, что высовыватели языков склонны к рукоприкладству. Когда-нибудь я запишу все эти самородки для будущих поколений придверных и привратных. Может, приобрету статус гуру и попаду на «Доктор Фил»²⁰. Мне бы это понравилось – сидеть в кресле напротив Фила, как раз достаточно близко, чтобы вмазать этому самодовольному мудозвону по харе. Наверное, я не стал бы и пытаться, но мечты делают жизнь сносной.

Заменив бумажник на телефон, Фортц смотрит на экран, чтобы продемонстрировать мне, как он всем нужен.

– Вас хочет видеть лейтенант Дикон, – сообщает он. – Это важно.

– Вы теперь в кавалерии на посылках?

Фортц ухмыляется:

– Просто малек помогаем. Мы ведь одна команда.

Я велю себе не паниковать. Ронни добродетельней Робокота, а я сегодня еще ничего плохого не делал.

– Скажите ей, что я позже буду в клубе, пусть зайдет.

– Не, – возражает Фортц. – Она отправила нас подвезти вас, ясно?

В моем воображении конверт сияет сквозь ткань моего пиджака.

– Какого рода это приглашение? – спрашиваю я, будто бывают такие приглашения по хорошему.

– Думаю, это навроде дегустации пончиков, – заявляет Фортц, и его мелкие черты трясутся от радости, будто остатки желе на дне миски. – Ну, заберетесь вы на заднее сиденье или мне пора задуматься почему?

Кригер прекратил попытки выбраться из машины, и по его плечам видно, что он дует.

²⁰ «Доктор Фил» – телешоу психолога и писателя доктора Филлипа Макгроу.

– Ладно, забираюсь. Только скажите своему партнеру, чтобы не стрелял в меня. Это не я запер его в машине.

Фортц закатывает глаза, говорящие о капризных отношениях с партнером, подпорченных годами перебранок в наружном наблюдении из-за кофе не того сорта.

– Вот думаю, не пристрелить ли мне его самому, а повесить на вас. Как оно вам?

Он усаживает меня на заднее сиденье, все еще подхихикивая.

Отморозки. Клоуны все до последнего. Я где-то читал, что «фараоны» вырабатывают макабрическое и неуместное чувство юмора, только чтобы выжить на такой работе, но мне кажется, что по большей части эта склонность таится где-то у поверхности, только и дожидаясь случая выскочить на белый свет. Как тролль в темном колодце.

* * *

Кригер не тешит взор даже сзади. У него на затылке торчат эдакие причудливые колтунчики, будто сальные сталактиты, а воротничок впивается в жирную шею, что диковинно, потому что остальные части тела у него тощие, как спички.

Пока Фортц ведет, Кригер сидит скрестив руки и излучает ледяные флюиды. Фортц мирится с этим минуты две, а затем...

– Да брось ты, – говорит он, склоняясь, чтобы дать легкого тумака партнеру по руке. – Дерьмо с гидрантом – это ж смешно! Да и подъехать туда не хухры-мухры. «Талладегские ночи»²¹, чувак.

«Выдал – получи», – думаю я.

Кригер отмахивается от тумака.

– Смешное дерьмо? И сколько раз ты собираешься его проворачивать? Мне до смерти обрыдло колотиться в дверь. Ты знаешь, что у меня клаустрофобия, Фортц, жопа ты такая?

– Само собой, знаю. Потому-то и озвезденеть как смешно.

Как бы мне ни хотелось считать этих парней полными идиотами, я должен уйти в глубокое отрицание, чтобы не расслышать в их перебранке сходства с нашими с Зебом пикировками на ежедневной основе. Это малость угнетает.

– Эй, мужики, – старательно разыгрывая веселье, говорю я. – Вы правда хотите, чтобы гражданское лицо выслушивало ваши семейные разборки?

Кригер разворачивается, сунув руку между подголовником и сиденьем. Я невольно замечаю в его кулаке тазер и мигающий зеленым огонек заряда.

– Нет, – бросает он. – Пожалуй, не хотим.

И стреляет мне в грудь, окрасив для меня вселенную в цвет электрик. Сквозь неоновое сияние я еще слышу, как голос Кригера произносит:

– Олух сам напросился.

Интересно, кто этот олух?

²¹ «Талладегские ночи» (англ. Talladega Nights: The Ballad of Ricky Bobby).

Глава 3

Итак, я, утратив подобие какого бы то ни было достоинства, дергаюсь в конвульсиях на заднем сиденье полицейского авто, а поскольку нить повествования сплетает *искренне ваш*, традиция требует в этом месте дать поток сонных образов, а может, краткую ретроспективную вспышку. Набросать пару абзацев, навести лоск на предысторию. Прекрасная пресс-перктивa, правда? Не считая того, что я вроде как не могу отключиться полностью.

Это дьявольски типично. В Ливане мы ради прикола время от времени «тазили» друг друга. Обхохочешься, правда? Послать пятьдесят тысяч расслабляющих мочевой пузырь вольт через парня посреди его еженедельного телефонного звонка своей невесте. Как же мы ржали! Это продолжалось не один месяц, пока штаб-сержанта не хватил сердечный приступ до такой степени, что он отправился в почетную отставку на родину, не пользуясь правой ногой. Суть тут в том, что меня поджарили дюжины раз, не вырубая меня напрочь. В точности как сейчас.

И вот я скриплю зубами достаточно жестко, чтобы выщербить эмаль. Все мое тело залубенело, как гладильная доска, а вокруг моей башки зудит гало мученика.

Мне бы следовало вырубиться. Боль просто несносна.

Сосредоточившись из всех сил, я плюю три слова в лицо Кригеру:

– Садани... мне... снова.

Кригер – мужик верный и просьбу исполняет.

* * *

В отключке у меня возникают видения. По большей части о Софии Делано, чего и следовало ожидать, потому что между нами гудит такое сексуальное напряжение, что впору подключать холодильник для пива.

Инцидент, проносющийся у меня в сознании, открывает многое обо мне самом и моих разнообразных подсознательных страхах. Я в своей старой квартире, этажом ниже Софии, и, выходя из душа, обнаруживаю ее стоящей там в спортивной форме, держа мое полотенце на пальце.

– О, малыш, – говорит она, и голос ее преисполнен чувственностью годов потребления «Джеймисона» и «Мальборо». – Ты выглядишь замечательно.

Мне как-то не кажется, что выгляжу я замечательно, да и никогда не казалось. Но вот в моей ванной женщина, напоминающая Оливию Ньютон-Джон в «Ближе к телу»²², заявляет, что я замечательно выгляжу, а это всегда недурное начало дня.

– Спасибо, София, – говорю я, пытаюсь прикрыть причиндалы, не пользуясь руками. Хитро. – Ты тоже выглядишь замечательно. Потрясающе.

Она смеется:

– Малыш, ты даже не представляешь. Я отправляла домой враскоряку мужиков и покрупнее тебя.

Это нечестно. Это женщина самого подходящего для меня возраста, то есть вписывающаяся в мои параметры плюс-минус десять лет, развязна ровно настолько, насколько надо, сексуальной привлекательности ей хватит до последнего дня жизни, но она думает, будто я ее давно сделавший ноги мудила-муж.

Она пятится с полотенцем, и мне не остается ничего иного, как следовать за ней.

²² «Ближе к телу» (Let's Get Physical) – песня поп-певицы Оливии Ньютон-Джон, вышедшая в сентябре 1981 г. и сразу завоевавшая невероятную популярность.

– О, малыш, – придыхает она, альвеолярными взрывами согласных заставляя меня ощутить легкое возбуждение, собственную низость и бесхребетность.

«Я не смею злоупотреблять доверием женщины в бредовом состоянии», – вещает моя ангельская сторона.

Другой наплечный демон парирует: «Ага, но будет ли здесь хоть одна жертва? Да ты делаешь даме любезность!»

Я отчасти ожидаю от Софии очередного комплимента мне на погибель, но она вместо того заявляет:

– Я думала, он был больше, Кармин. Разве он не был больше? Тебе следует посмотреть, какой у Дэна.

Хоть я и не знаю, кто из нас должен чувствовать себя уязвленным, но возбуждение выходит из меня, как воздух из проколотого надувного животного, и я бормочу какую-то неуклюжую шутку насчет аспекта зрения. София не смеется, а вместо того вовсю пускается в иносказания:

– Все теперь кажется меньше, как места моих детских игр.

Глубоко. Чересчур глубоко для мужика на полувзводе, выбравшегося из душа.

А на Софию нисходит момент просветления.

– Мне надо бежать, Дэн. Кармин может позвонить, а ежели меня не будет у телефона, начнется обубенный фейерверк.

Выхватывая полотенце из ее пальцев, я киваю. Мне хотелось, чтобы она ушла, но теперь, когда она действительно вознамерилась, я чувствую себя обманутым.

София целует меня так крепко, что мой срам забывает об оскорблении.

– Вот так-то лучше, малыш, – приговаривает она с улыбкой, которая может предназначаться даже мне.

Когда она скрывается, я возвращаюсь в душ.

* * *

Я чувствую, что всплываю на поверхность, но взгляд глаз Софии еще со мной. Вот только не небесно-голубых, а скорее грязно-бензинных.

«Это не глаза Софии, – подсказывает мне подсознание. – Обрати внимание на эти густые брови, не говоря уж о резиновой маске для садо-мазо».

С подсознанием у меня отношения довольно открытые. Даже малость нездоровые. Мы много *беседуем*, что вроде как опровергает то, ради чего его и назвали в первую голову подсознанием.

И тем не менее мой внутренний голос прав. София не щеголяет густыми бровями. Я трепыхаюсь, пытаюсь врубиться в ситуацию.

Чувствую стул под собой. Способность вспомнить слово «стул» не обязательно свидетельствует об отсутствии повреждений мозга, но я полон оптимизма. Сквозь туман просачивается все больше информации. К примеру, офисный стул вроде как приковал меня к себе, а в комнате, вмещающей нас со стулом, с потолка ниспадают полотнища розового атласа. А еще я вроде бы совсем голый, не считая розовых кожаных стрингов, которых определенно с утра не натягивал. Может, это не на самом деле? Может, тазер таки перетряхнул мне мозги? Проморгавшись, я возвращаю миру четкость, в чем тотчас же раскаиваюсь.

Двое мужиков – предположительно Кригер и Фортц, – одетых в маски для садо-мазо и резиновые фартуки, радостно отплясывают джигу по обе стороны от установленного на табурете ноутбука. Пол застлан пластиком.

Что стряслось с человечеством? Некогда Мэрилин Монро, державшая яблоко, представлялась пикантнейшей штучкой на свете. А теперь у нас «фараоны» среднего возраста в масках для садо-мазо?

Я несколько раз кашляю, от чего мой мозг будто раздувается, после чего говорю:

– Знаете, мужики. Что бы ни случилось, мы хотя бы сохраним достоинство.

Отрицание. Вот это что.

– Эй, – говорит Фортц, и я знаю, что это он, не по единственному слогу, а по форме головы в виде котла доньшком кверху и факту, что его узко посаженные глаза не совсем совпадают с отверстиями для них в маске. – Поглядите-ка, кто проснулся!

Кригер присвистывает:

– Благодарение Христу! Я-то думал, вторая стрелка могла его прикончить.

Фортц дает тумака партнеру в голое плечо, покрытое пушком.

– Так зачем же ты всадил в него вторую стрелку, олух?

– Был зол на тебя, Дерк, – говорит Кригер, язык тела которого прямо вопит: «сука». – Ты доставал меня всю неделю.

Дерк Фортц снова закатывает глаза:

– Блям, Криг. Мы же партнеры. Доставание идет в комплекте. – Он оборачивается ко мне: – Ну, ты здоров, если выдал такое. Еще ни разу не видел мужика, трепавшего языком после того, как его звезданули.

У меня позади глаз затаились полумесяцы боли, и мне ужасно хочется покемарить, но я соображаю, что поддержание разговора отсрочит надвигающийся на меня шквал дерьма.

– Смотря какое оружие. В прошлом году, когда в меня долбанули пятьдесят тысяч вольт, меня прям из шкуры вытряхнуло. Что у вас там? Тридцать?

Фортц вытягивает губы дудочкой через дыру в маске.

– Не, пятьдесят. Ну, так сказано на стволе. С этими херовинами нипочем не угадаешь, правда? Пуля есть пуля. А тазеры, насколько понимаю, могут пуляться звездной пылью.

– Долбаное электричество, – добродушно соглашаюсь я, впадая в обратный стокгольмский синдром. – Паскудно невидимое дерьмо.

Кригер прерывает наш сеанс спайки.

– Дерк, мы уже дошли до пятнадцати штук, – стучит он по экрану ноутбука. – Пора уже натереться маслом.

Из-за маски чуток трудноато разбираться, что говорит Кригер. Я искренне надеюсь, что он сказал не «натереться маслом».

– Пятнадцать штук, – повторяет Фортц, хлопая в ладоши. – Двадцать – наш потолок, ты должен гордиться вoвсю. Еще пять, и всё в ажуре.

Всё в ажуре? Что до меня лично, то не вижу в этой ситуации ничего ажурного. Я догадываюсь, что тут происходит, и половина меня почти не хочет, чтобы мои подозрения подтвердились. А вторая выпаливает:

– Какого черта тут происходит, Фортц?

Детектив чешет свое пивное брюхо, пропустив вопрос мимо ушей.

– Ты, наверное, решил, что мы снимаем в этом здании порнуху, Макэвой? Мой друг позволяет мне пользоваться помещением от случая к случаю. Ты знаешь, что они отсняли в этой кровати у тебя за спиной целый сериал «Двенадцать в постели»? Санни Дейз дебютировала в этой самой комнате.

– Не может быть, – поражается Кригер. – Ты ни разу мне не говорил. Я люблю ее киношки. Особенно «Хорошая Дейз и плохая Дейз».

– Это классика, – говорит Фортц, на момент погружаясь в благодные воспоминания.

Я предпринимаю еще попытку.

– Да бросьте, мужики. Что я-то тут делаю?

Фортц берет со стола скальпель.

– Дикон сказала, что ты смышленей, чем с виду, так что угадай, а? Давай рассмотрим подсказки: ты прикован наручниками к стулу в порностудии. Два парня в резине смотрят ставки, растущие на ноутбуке со встроенной веб-камерой. Как думаешь, что творится? Покерный турнир?

Ассортимент довольно недвусмысленный, но легавые славятся тем, что стряпают замысловатые сценарии, чтобы вытянуть у подозреваемого признание. Мой старый армейский приятель Томми Флетчер рассказал мне, как двое стражей порядка из Атлона однажды вырядились под «Аль-Каиду», чтобы попытаться заставить его продать им мусорный бак на колесиках, битком набитый «Стингерами», стоявший, по их глубокому убеждению, прямо у него во дворе.

«Да я бы и продал им этот бак, – признался он. – Но они чуток перебрали с виски в рюмочной, и бороды у них поотклеивались. Сразу пара красных флажков».

Томми. Что за долбаный шизик.

– Может, вы пытаетесь меня подставить, – закидываю я удочку. – Заставить в чем-нибудь сознаться.

– Тебе есть в чем сознаваться? – интересуется Фортц.

– Ни в чем эдаком, что заслуживало бы такой уймы хлопот.

– Вот и лопнула гипотеза, – констатирует Кригер.

– И всё? Вы просто хотите выставить меня на онлайн-аукцион?

– Угу, – подтверждает Фортц. – Люди с радостью заплатят, чтобы залогиниться и полюбоваться, как мы запытаем тебя до смерти. Сколько же там извращенцев, ты просто не поверишь.

В другой день не поверил бы.

Хуже этого со мной еще ничего не случалось. Могу честно сказать, что если б София не зависела от меня, я предпочел бы смерть. Говорят, благородных способов умереть не бывает, но как раз сейчас инфаркт выглядит вполне привлекательно. А при том, как сердце колотится у меня в груди, приступ вполне достижим, если я только дам своему страху сорваться с цепи.

– Да бросьте, мужики. Мы наверняка можем тут как-нибудь поладить. Живой я вам больше пригожусь, чем мертвый. У меня есть кое-какие навыки.

Фортц смеется:

– Только послушать этого Лиамы Нисона недодрюченного! Кое-какие навыки!

– Он может сказать нам, где груз, – докидывает Кригер свои два гроша. – Это кое-чего стоило бы.

Груз? Откуда им известно о конверте Майка?

Я начинаю со стандартной первой базы.

– Какой груз?

– Если не знаешь, – пожимает плечами Фортц, – то не знаешь, и нам от тебя никакого проку, окромя аукциона.

Тут мне ловить нечего. Чтобы найти конверт, этим олухам только-то и надо, что обыскать мою одежду. Что-то не верится, что они еще не сделали этого, слишком торопясь натянуть свои резиновые фартуки.

Может, они достаточно глупы, чтобы я провернул какой-нибудь шахер-махер...

– Детективы. Вы делаете двадцать штук? Это мелочишка на молочишко по сравнению с тем, что могу предложить вам я.

Эти отморозки даже не удосуживаются ответить, вновь сосредоточив внимание на итоговой цифре, растущей на дисплее.

Я позволяю себе уронить голову на грудь, издавая животное пошмыгивание – нечто среднее между хихиканьем и всхлипами.

Держись, солдат. Ты еще не покойник.

Фортц ущипнул партнера за талию.

– Девятнадцать штук. И поднимается.

Хихикнув, Кригер скачет прочь.

– Дерк, кончай!

– Лады, – говорю я, немного оправившись. – Давайте займемся тем, ради чего собрались здесь на самом деле.

– То есть? – любопытствует Фортц, подступая поближе.

Мы здесь из-за алчности двоих служащих, и может статься, мне удастся воззвать к этой стороне их натуры.

– Переговорами, – говорю я.

Фортц укоризненно машет мне скальпелем.

– Переговорами? И про чего ты надумал переговариваться, ирландец? Кому достанется отрезать тебе яйца?

Эти небрежно брошенные вопросы обрушиваются на меня, будто удар под дых, и я чувствую, что дышу учащенно. Мне уже доводилось бывать в тугих переплетках, но теперь ситуация настолько беспросветная, что я на волосок от безоглядной паники.

Фортц постукивает мне скальпелем по щеке.

– Эй, Дэн! Дэнни! Ну же, ну-ка, давай! Выдай мне парочку приколов, какими славишься. Пусть извращенцы за свои деньги получают по полной программе.

Я всасываю панику обратно.

– Груз у меня в кармане пиджака вон там, на полу.

– У тебя груз в кармане пиджака?

Фортц поддает Кригеру локтем под ребра.

– Этот мужик серьезно?

– Босс сказала, что это вилами по воде писано.

– Значит, груза у него нет. Ну и что? Нам платят с обеих сторон.

Меня оскорбляет, что они сомневаются в моей искренности.

– У меня есть этот груз. Я должен был доставить его по поручению Майка Мэддена. Почему бы вам не вынуть его, чтобы поглядеть, что у нас там?

Кригер и Фортц переходят к стандартной процедуре.

– Почему бы нам не сделать это?

– Ага, почему бы нам это не сделать?

– Звучит разумно?

– Совершенно разумно.

Говоря, Фортц дирижирует скальпелем.

– Нам нужно быть совершенными *retardo*²³, чтобы не внять и не последовать твоему предложению.

На слово *retardo* Кригер отзывается смехом – вероятно, это новый нюанс в их комическом дуэте.

– Как по-твоему, Макэвой, похожи мы на *retardo*? – настоятельно вопрошает Кригер.

Это смахивает на вопрос с подвохом.

– Нет. Слушайте, он у меня в кармане.

Я думаю, что если улизну от Кригера с напарником, то и попозже смогу тревожиться из-за угроз Майка прикончить меня. А заодно, если я улизну, то вернусь обратно почти тотчас же и выбью из этих двоих клоунов все дерьмо до последней капли.

²³ Retardo (исп.) – здесь: дебил.

– Мой груз тянет на двести косарей, а это чертовски больше, чем вы тут огребете. А там, откуда это взято, еще не в пример больше.

Чтобы продать ложь, подпусти немного правды.

– Побереги дыхание, Макэвой, – заявляет Кригер. – Оно тебе пригодится, чтобы визжать.

Фортц с молчаливым одобрением хлопает Кригера по плечу: мол, продолжай в том же духе.

– Думаешь, мы выхватили тебя наугад, Дэнни? – спрашивает он и сам же отвечает: – Нет, нам было велено забрать тебя и узнать, не знаешь ли ты, где груз. И мне очевидно, что если ты думаешь, что груз уместится в карман твоего пиджака, тогда ты даже не догадываешься, что такое груз. В данном случае мы собираемся избавиться от тебя, как сочтем уместным, позаботившись, чтобы труп никогда не нашли.

– Тебя не найдут, – добавляет Кригер для полной уверенности, будто это может меня беспокоить.

– Мы читали твое досье, – продолжает Фортц. – Нам все известно про твои спецназовские увертки. Я сейчас начну шарить у тебя в пиджаке в поисках какого-то там пакета, а он взорвется, окатив меня кислотой или каким там другим дерьмом. Нет. Не тут-то было. Мы сделаем свое дело, а потом не торопясь добудем твой конвертик пинцетиком. Впрочем, эй, спасибочки, что просветил нас насчет его родословной. Эта информация может очень пригодиться, когда мы будем вести *переговоры*.

Ублюдок. Обратить высказанное человеком слово из пяти слогов против него же.

– Эгей, – встрепенувшись, замечает Кригер. – Да теперь нам платят с трех сторон! Босс, извращенцы и его груз.

Подбросив скальпель в воздух, Фортц аккуратно его подхватывает.

– Кому ж не по нраву по-доброму сообразить на троих?

Я сваял дурака, и Фортц меня запалил.

Ты паникуешь, Дэн. Становишься размазней.

В прошлой жизни, когда я жаждал послужить родной стране, убравшись из нее к чертовой бабушке, мой армейский мозгоправ устроил мне ролевую игру в заложника. Ясное дело, миротворцев ООН умыкали с такой же регулярностью, как Робина у Бэтмена, то бишь где-то раз в неделю. К сожалению для нас, выживали мы далеко не столь регулярно.

«Всегда води переговоры с позиции силы или хотя бы с позиции предполагаемой силы, – поучал Саймон Мориарти. – А если лопухнешься с этим, имей в виду, что просто диво, сколько этих недотеп не умеют толком завязать узел».

В данный момент ко мне не относилось ни то ни другое, поскольку я был скован и по рукам, и по ногам и, строго говоря, заложником не был. Я был предметом потребления, чья жизнь продается за нал капля за каплей, а яйца приберегаются напоследок.

– Нельзя же похитить мужика посреди улицы и думать, что никто этого не заметил, – вещаю я, стараясь не блеять. – Мужики, вы же «фараоны», господа боже мой. Вы когда-нибудь слышали о видеорегистрации наружки?

– Ага, слышали, – с ехидством отвечает Фортц, – каждая камера в городе известна нам наперечет. Чего ж еще мы припарковались там, где припарковались, как по-твоему?

– Но будут же свидетели? – Уже определенно блеянье. Я определенно смахиваю на козленочка.

– Не исключено, – признает Кригер. – Но ко времени, когда хоть кто сообразит, что ты пропал, мы, как пребывающие на боевом посту копы, даже и не вспомним, как с тобой говорили. Ты не помнишь, видел ли этого типа, партнер?

– Какого типа?

– Ирландского.

– Какого ирландского типа?

– Вот именно.

И они стучаются потными грудями, а я замечаю налипание жиденьких волосенок с одной груди на другую.

Их торжество прерывает ноутбук, внезапно принимающийся пронзительно чирикать, как канарейка. Фараоны встречают эту неожиданную трель с внезапной приглушенной почти-тельностью, будто трубный глас архангела Гавриила.

– Долбаная канарейка! – шепчет Фортц, а Кригер заставляет его заткнуться.

– погоди, Дерк. Не сглазь. Дай проверить.

Бросившись к компьютеру, он смотрит на экран. И приглушенным тоном сообщает:

– Приватный просмотр.

– Тити-мити! – ликует Фортц, воздевая скальпель к небу, как Экскалибур. – Ну же, рассказывай.

Кригер выговаривает настолько отчетливо, что его согласными можно резать яблоки.

– Сто тысяч долларов от Гражданина Боль²⁴.

Гражданин Боль? Спорим, на сайтах знакомств он этим именем не пользуется. Если мне удастся как-нибудь выпутаться из этой мерзкой комнатенки, я непременно выслежу доброго Гражданина и преподам ему пару уроков боли.

– Я знал, что Боль будет упиваться видеоанонсом, – говорит Фортц. – Он обожает спецназовские типажи. Этот тип – раб собственной елды, мужик.

– Подтвердить?

– Заключай сделку, партнер.

Кригер вертит пальцами, как Оливер Харди, играющий со своим галстуком, а затем ниспосылает указательный палец в пике к клавише ввода.

Щелк.

– Заключено и доставлено, – сообщает он. – Мы приняли предложение, деньги на нашем счету.

«Заключено и доставлено, – думаю я. – Они говорят обо мне. О моей персоне».

Я буквально содрогаюсь при мысли о том, что содержалось в видеоанонсе, который они, должно быть, сняли, пока я пребывал в отключке.

– Когда выходим в эфир? – спрашиваю я, отчего бы и нет.

– А хрена ли, прям щас, – отвечает Фортц. – Как только я заклю твой жирный ирландский рот.

Разумеется. Скотч. Эти ребятишки не хотят, чтобы их имена разлетелись по Интернету. Даже при отключенном звуке всегда найдется хитрожопый спец, читающий по губам.

Чтобы воспользоваться скотчем, Фортцу надо подойти поближе. Это мой последний шанс дать представление.

– Присмотри за этим хренососом, – распоряжается Фортц, вытаскивая рулон липкой ленты из своего рюкзака, стоящего под столом.

Ага, Кригер присмотрит за мною будь здоров, но теперь, когда я стал объектом частного просмотра, дважды подумает, прежде чем стрелять.

Я внутренне подбираюсь, отыскивая фокус в сердцевине своего существа.

Единственный шанс. На что ты способен, солдат?

Мои пальцы ухватываются за край сиденья офисного стула, нащупывая жевательную резинку и рычаг регулировки сиденья. Если дернуть за этот рычаг, стул резко опустится, если только исправен.

²⁴ Гражданин Боль – заглавный герой фильма «Гражданин Боль».

Кригер нацеливает в меня пистолет, но половину его внимания поглощает компьютер. Фортц приближается ко мне по сужающейся спирали. Настороженно, будто гиена, кругами подбирающаяся к издыхающему льву.

Я чую едкий запах смеси талька, нервов и «Спид Стика» Фортца, приближающегося ко мне сзади; капли его пота орошают мне голову.

На меня падает тень, и локти Фортца опираются о мои плечи. Его бледные кисти опускаются, деликатно держа полоску скотча кончиками пальцев в старании не затронуть липкую сторону. Липкой стороны следует избегать, даже связывая жертву похищения.

Увидев скотч у себя перед носом, я нажимаю на рычаг. Сиденье падает где-то на фут, и я вместе с ним. Фортца, опиравшегося о мои плечи, внезапное падение выводит из равновесия, и я чувствую спиной всю его массу. От ног мне сейчас толку мало, я стреножен, но может быть, они способны внести в ситуацию элемент хаоса. Я разворачиваюсь на стуле так, что туша Фортца оказывается между мной и пистолетом Кригера, после чего фокусирую всю свою энергию в коленях, взрываясь движением кверху, насколько пускают оковы, чего оказывается довольно, чтобы катапультировать Фортца в сторону напарника.

Через плечо я вижу, как Фортц тяжело и неуклюже рушится, в качестве бонуса вышибая ряд зубов о клавиатуру ноутбука. А заодно сшибает Кригера, как кеглю, и тот валится, молотя конечностями и роняя оружие.

У меня секунд пять, прежде чем меня подстрелят. А отдать концы, будучи втиснутым в эти стринги, определенно попадает в верхнюю пятерку «Не дай себе кончить подобным образом», как раз над случайным употреблением отбеливателя внутрь и под нырком в ледяное озеро ради спасения щенка, чтобы выяснить, что это грязная тряпка, тем более что девушка, на которую ты пытаешься произвести впечатление, собак ненавидит.

Как видите, я продумал этот список довольно тщательно. Доктор Мориарти сказал бы, что я анально-сексуален, и мой текущий прикид как-то не способствует опровержению этой гипотезы.

С сиденьем в самой нижней точке слабины моих пут достаточно, чтобы ковылять в полусогнутом состоянии. Мои руки и ноги сцеплены наручниками вокруг центральной стойки стула, а у этой дешевки даже нет роликов, так что мне приходится ковылять, как... мазохисту. Не смешно, что я мазохирую, а этим разряженным садо-мазилам не приходится? Навряд ли. По-моему, это просто невезение.

Фортц стащил маску и сунул руку в рот в неуклюжей попытке остановить кровотечение из десен, но что важнее, Кригер шарит по полу в поисках своего оружия.

Пора найти выход.

В этой комнате окон нет и только одна дверь, путь к которой преграждают двое жирно лоснящихся легавых, так что мне придется пройти сквозь стену.

Пройти сквозь стену?

Даже в мыслях это выглядит нелепо. Тем не менее или это, или вышеупомянутое усеменение яиц. Я по-крабьи перекатываюсь через постель, и инерции как раз хватает, чтобы снова встать на ноги.

– Эй, – булькает Фортц сквозь кровь. – Стоять! Полиция!

Как говорил щеголявший в налобных повязках, кучерявый и легендарный Дж. Макинрой²⁵: «Ты чё, фули, серьезно?!» Готов спорить, когда Макинроя не снимали, он всегда говорил «фули». Так и видишь, как это срывается с его губ.

²⁵ Джон Патрик Макинрой-младший (р. 1959) – американский профессиональный теннисист, бывшая первая ракетка мира; известен также зачастую скандальным поведением на корте.

Я подсакиваю на кровати, чтобы набрать разгон, слыша за спиной шарканье и щелчок. Держу пари, это Кригер нашел свою пушку. Может, «фараон» он и дерьмовый, но дерьмовые «фараоны» – обычно лучшие стрелки.

В стойку стула с лязгом впивается пуля, толкнув меня на шаг вперед, и я решаю воспользоваться этим импульсом кинетической энергии, дабы ринуться к стене, мысленно вознося молитвы, чтобы та оказалась однослойным гипсокартоном. Хотя, если день будет продолжаться, как начался с утра, я звезданусь головой о водопроводную трубу.

Да и употребление глагола «ринуться» было чересчур оптимистичным. Честней было бы сказать «заковылять».

Хвала всем святым, горе не беда – стена оказывается хлипкой перегородкой, и я проламываюсь сквозь нее прямо в троицу. По крайней мере, я насчитываю только троих. Только что я был в комнате с двумя решительно потерявшими форму легавыми, а тут вдруг оказываюсь в компании крайне фигуристых молодых людей, вроде бы любящих свою работу.

В голове у меня выскакивает реплика из «Охотников за привидениями»: «Не пересекай бегущий поток; это сулит беду».

Поднырнув под нечто – надеюсь, это предплечье, – я кубарем качусь на пол.

Съемочная группа стоит у изножья кровати, и режиссер вскакивает на ноги – сплошь конский хвост и надутые губы.

– Евнух? Евнуха я не заказывал!

Проиграв это в голове позже, я почувствую себя оскорбленным.

После мгновения невозмутимости мое внезапное появление сеет столпотворение. Даже в самой знойной порнографической сцене никто не ждет, что сквозь стену вломится полуголый мужчина среднего возраста. Ради бога, я даже не намасен.

Парни теряют самообладание вкупе с кое-чем еще, а девицы издают визг, куда более натуралистичный, чем звуки, которые они издавали за пару секунд до того.

– Извините, – автоматически говорю я. – Мне бы только пройти.

Вне декораций дожидается «дрочилка» – пожилая ассистентка, главной обязанностью которой является поддержание боеготовности самцов, с тележкой, забитой различными аксессуарами. Она здесь единственная, кого мое появление не выбило из колеи. Взгляд ее утомленных глаз с тяжелыми веками говорит, что в свое время она навидалась куда более диких вещей.

– Вы не можете снять с меня наручники? – спрашиваю я с пола, лихорадочно тряся перед ней своими цепями.

Женщина с прищуром разглядывает мои кандалы, пока режиссер вопит «стоп» снова и снова все более паническим тоном, а жутко дорогой с виду осветительный прибор на алюминиевой стойке валится, взрываясь дождем белых искр.

– Что это у нас за наручники?

Я бросаю тревожный взгляд на дыру в стене.

– Полицейские. Стандартного образца.

Она смеется:

– Полицейские браслетки? Да я их языком открыть могу. – Полный рот бурых от никотина зубов сделал эту идею еще более неаппетитной.

– Меня и ключ устроит, дорогуша, – поторапливаю я гримзу.

Отыскав ключ, женщина возится с моими кандалами. Тем временем на кровати у меня за спиной новая вспышка деятельности: сквозь дыру пытается пролезть Кригер.

– БДСМ?! – верещит режиссер. – Я не снимаю садо-мазо! У нас что тут, тысяча девятьсот девяносто второй?

Я изворачиваюсь как раз вовремя, чтобы увидеть, как один из племенных жеребцов, мускулистый до неприличия, наносит хук правой, едва не сносящий Кригеру башку.

– У этого всуесоса пушка, – объясняет он, и этого довольно, чтобы старлетка с визгом вылетела из павильона.

Кригер обвисает в дыре. Сто шестьдесят фунтов мертвого веса.

А еще пару щелчков спустя я свободный человек.

– Да кто вы такой, черт возьми?! – вопит режиссер. – Какого черта тут творится?!

Я где-то читал, что мужчине допустимо визжать, как девчонке, если он кинорежиссер или выпускает дух на электрическом стуле.

– Народ, всё в порядке, – говорю я, вскарабкиваясь на ноги и пытаюсь напустить на себя серьезный вид, несмотря на легкомысленное одеяние. – Я из полиции. Под прикрытием. Эти двое планировали нелегальные съемки. Просто сложите все свои лицензии и свидетельства о рождении на стол, и я отпущу вас через пять минут.

В комнате воцаряется безмолвие, и я слышу, как Фортц булькает в соседнем помещении, будто младенец, ищущий титьку.

– Могу я еще чем помочь, милый? – вопрошает моя спасительница, своими нахмуренными бровями давая понять, что все мое словоблудие не провело ее ни на йоту.

Я сую ключ от наручников в стринги – мало ли что, – а затем окидываю взглядом ее тележку в поисках чего-нибудь полезного.

– Можно позаимствовать дилдо? – интересуюсь я.

Вообще-то просьба довольно расплывчатая.

– Разумеется. Какой именно?

– Большой, – бросаю я.

* * *

Я подумываю, не прикончить ли Кригера и Фортца, честное слово. Ублюдки этого заслужили. Несомненно, это не первое их родео, так что бог весть сколько жизней я спасу, отправив их в землю.

Впрочем, убивать их – не мое дело, как бы легко ни было его оправдать.

Может, весь этот эпизод выглядит малость комично вкупе со стрингами, порносценой и так далее, но на самом деле я еще ни разу не испытывал такого испуга или омерзения. В Ливане бывали случаи, когда я подвергался весьма мучительным издевательствам, но в этой комнате мою психику покрыл совершенно новый пласт рубцовой ткани.

Я впикиваю Кригера обратно в комнату, плюхнув его на кровать, и карабкаюсь следом. Фортц все еще барахтается на полу в луже жира и крови, до сих пор матерясь из-за своего изувеченного рта, будто судьба сдала ему безмазовую карту. Ему еще хватает мозгов полезть за стволом Кригера, так что я, примерившись фаллоимитатором, прикладываю его по виску достаточно крепко, чтобы вырубить.

– Тебе повезло, – ору я обмякшему в беспмятстве «фараону», – что я воспользовался этим орудием как дубиной, а не на манер, для которого оно так реалистично отлито.

Пульс у меня под двести, что для мужчины моего возраста уже в зоне риска, но чувствую я себя чуток получше. Непосредственная угроза миновала, и теперь мне надо тревожиться лишь из-за поручения Майка и того, что эти два извращенца ринутся за мной, когда придут в себя.

Я одеваюсь, оставшись в стрингах, потому что съемочная группа порнушников, вероятно уже сообразившая, что я на самом деле не «фараон», подглядывает через дыру в стене. Потом машу конвертом Майка Мэддена у Фортца перед носом.

– Видишь это? – говорю я, хоть и сомневаюсь, что он слышал вопрос. – Груз у меня. Я тебе говорил, а ты не слушал.

Снаряжение «фараонов» демонстрирует уйму оружия, и я с радостью его принимаю. Четыре пистолета: два официальных «Глока-19» и парочка малышей «Кел-Тек» в кобурах дяди Майка на щиколотку.

Парные пистолеты. Держу пари, Фортиц решает даже, какое оружие им брать.

Я распределяю этот арсенал по карманам, а вот фаллос назло оставляю в подергивающихся пальцах Кригера, сделав фотку на свой телефон, чтобы запостить на веб-сайт полиции.

«Этим ребятам повезло, – твержу себе я, в первый и последний раз покидая эту комнату кошмаров. – Если я увижу этих мусоров снова хоть одним глазком, прикончу обоих».

И решаю потом прилепить стринги себе на зеркало в ванной на манер Рокки, чтобы каждое утро при взгляде на них напоминать себе, на какую ненависть способен, – на случай, если мне ее когда-нибудь потребуется выплеснуть.

И вся эта лабуда, чтобы потешить извращенцев.

Чем старше я становлюсь, тем меньше мне нравится этот мир и тем больше я ценю все хорошее.

Вроде Софии.

Глава 4

Как только дверь за мной захлопывается, я чувствую себя слабым, как котенок в мешке. Праведный адреналин уходит в пятки, и мне приходится упереться лбом в стену, чтобы меня не стошнило. Ощущение тазера так печет грудь, будто она дымится, а мысли вдруг бурным водоворотом сливаются в канализационную трубу коры моего запутавшегося мозга.

Во всяком случае, ощущение именно такое.

Может, мне следует туда вернуться и пришить этих мусоров, потому что они первым делом ринутся за мной? У них ведь просто нет выбора.

На сугубо практическом уровне это хороший аргумент. Просто порешить Кригера с Фортцем – и дело с концом, но убийство «фараонов» – практически верная гарантия, что до суда мое дело не дойдет, даже несмотря на приятельские отношения кое с кем в департаменте.

Пару месяцев назад я провел ночь в городе в компании Дикон и ее капитана, и кончилась наша эпопея в задней комнате «Слотца» с бутылкой «Джека Дэниелса» и дурацкими ухмылками на лицах. Разговор крутился вокруг идиотских отговорок, которые «фараоны» предадут бумаге, чтобы оправдать применение оружия.

«А еще один парень утверждал, что ему пришлось пристрелить подозреваемого, потому что у него на майке была надпись, – поведал капитан, положив руку на сердце в прямом смысле. – И надпись была, цитирую, «не по-американски», а этот новобранец, жертва пьяной акушерки, думал, будто видел где-то словечко «джихад». – Кэп умолк, чтобы отхлебнуть виски, и мы поняли, что приближается кульминация. – И рекрут вообразил, что не может позволить этому типу жить, потому что до аэропорта было не больше пяти миль. А оказалось, что надпись из «Властелина» долбанных «колец». Говно какое-то, эльфы, что ли...»

А Ронел подсказала: «Эльф был, да весь вышел»²⁶.

Как же мы надрывали тогда животики в пьяном угаре! Сейчас эта байка вовсе не кажется мне смешной. Если Кригер и Фортц когда-нибудь меня настигнут, то уж свои отговорки продумают загодя.

Ронел Дикон – блюститель блюстителей. Настоящий больной зуб для ее дедушки, одного из редкостных афроамериканских служащих техасской полиции, да еще и входившего в знаменитую группу, в семьдесят седьмом штурмовавшую башню университета, чтобы захватить «Техасского стрелка». Ронни приняла жезл из рук отца, совершавшего пешие патрули по Рандберг-лейн, где черному человеку в синем требуется немало пороха, чтобы сделать хоть шаг. Ронни воспитали суровой, но честной. В возрасте двенадцати лет она увидела, как папочка делает в гараже жим лежа. К четырнадцати она уже и сама жала сотню фунтов, а к двадцати двум стала новобранцем в Нью-Йоркском полицейском управлении, усердно трудясь над своим процентом арестов и еще усерднее – над учебниками, чтобы к тридцати выйти в детективы. И ухитрилась перевыполнить программу на пару лет.

Как раз моей дружбой с Ронел Кригер и Фортц в первую голову и воспользовались, чтобы заманить меня в машину. Им следовало бы сообразить, что она будет первым человеком, которому я позвоню, когда руки у меня перестанут трястись. На то, что они «фараоны», Ронни насрать – она ненавидит скурвившихся «фараонов» хуже преступников. Так что она теперь тоже в расстрельном списке. Фортц как-то не показался мне добрячком, оставляю-

²⁶ «Эльф был, да вышел» (англ. Elvish has left the building) – фантазийный комикс по мотивам саги Толкиена. Название пародирует известную фразу «Elvis has left the building»; при жизни Э. Пресли она означала «Концерт окончен, можно расходиться». Сейчас ее чаще всего встречают игроки GTA2, когда перебыют всех имитаторов Элвиса.

щим болтающиеся концы. Они непременно ринутся за мной и подстроят Ронел смерть, смахивающую на несчастный случай.

Надо это уладить.

Я звоню Ронел, но меня сразу переключают на автоответчик, так что я оставляю лаконичное послание, пытаюсь сделать так, чтобы от слов исходило ощущение безотлагательности, но не отчаяния.

«Ронни. Это Дэн. Надо встретиться. Я в überжопе».

Надеюсь, по моему тону ясно, что дело действительно серьезное. До меня вдруг доходит, что Ронни насчет über ничего не известно, и в таком случае сообщение может смахивать на легкий розыгрыш. Остается уповать, что она догадается по интонации. Но более чем вероятно, что ни фига Ронни не догадается. Выслушает слова и вложит в них обычный смысл. У меня есть ужасное обыкновение вычитывать подтексты, которые больше никто не видит или их попросту нет. В моем сознании все будто высказываются метафорами или транслируют свои намерения микроскопическими движениями, а я пытаюсь докопаться, что же они имеют в виду на самом деле. Вот что бывает, когда тебя воспитывает жестокий родитель: всегда пытаешься высмотреть знаки, предсказать настроение, чтобы убраться подальше до того, как разразится гроза.

Но рано или поздно вдруг осознаешь, что когда люди моргают, они чаще всего просто моргают, а не передают сообщения каким-то шифром, или когда отодвигаются от тебя в кровати, то не потому, что больше тебя не любят, а потому что у тебя острые локти.

Порою тигр, о тигр, светло горящий²⁷, – просто тигр.

Я это знаю, но годы взбучек сделали для меня этот обычай рефлекторным.

Высматривай знаки. Все что-нибудь да означает.

В каком-то смысле иметь жестокого родителя на руку. Вину практически за любой мой дурной поступок можно перевести на папулю большой жирной стрелкой.

* * *

По какой-то причине мне казалось, что я нахожусь в особняке, где-то далеко на отшибе. Может, в саду. Где-нибудь, где соседи ужаснутся, если обнаружат, что там порностудия.

Прямо не верится! В этом доме всегда было так тихо. Они держались сами по себе, никаких гулянок.

Но как только я оправляюсь достаточно, чтобы принять шок, то осознаю, что мое восприятие пространства, вероятно, было сбито с толку звукоизоляцией порнопавильона. Я в коридоре нью-йоркской высотки, тут уж никаких сомнений. Сужу об этом по уличным шумам, яростно толкущимся в шахте лестницы. Уличное движение и плотные толпы прохожих. Нью-йоркцы выкрикивают в свои мобилы краткие сообщения, туристы восторженно воркуют, впервые узрев золотую башню Дональда или «Эппл стор», – помесь ближневосточных диалектов, какой и в Гуантанаме не сыщешь. Да и запахи знакомые – уличной еды, горячего асфальта и резины миллиона покрышек.

Нью-Йорк. Эти клоуны запроторили меня в Нью-Йорк.

Слева от меня тесная кабинка лифта, который может спустить меня к черному выходу, но я решаю не устраивать себе из него мышеловку. Вопреки тому, в чем нас пытаются убедить кинофильмы, зачастую там нет никаких удобных люков в крыше, да еще не запертых на случай бедствия, требующего героических свершений. Застрав в лифте, ты в нем, как говорят геймеры, капитально попал.

²⁷ Цитата из стихотворения У. Блейка «Тигр», пер. С. Маршака.

За подростковым жаргоном не утонишься. Я недавно сказал в клубе «амба» юному качку, а он на меня вылупился, будто я в черно-белом изображении.

«Танго и Кэши», малыш. Купил бы ты DVD, что ли.

Так что в лифт я не сажусь именно по этой причине. Но еще и потому, что одержим фантомным воспоминанием, как меня заталкивают в эту шахту под ехидный смешок Фортца, брызжащий мне в ухо слюной, и один лишь вид этих стальных дверей бросает меня в дрожь.

Насрать. Мне надо просто их прикончить.

Нет. За жизнь я наделал массу отчаянных вещей, но ни разу не убил человека, если был другой выход. Хоть один. Какой бы то ни было.

Этой сраке Фортцу следует учиться на собственных ошибках, потому что при следующей встрече я не могу обещать, что буду так же держать себя в руках, особенно когда у меня будет время обмозговать, как со мной несправедливо обошлись.

Сделав несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться, я направляюсь на лестницу. Три пролета вниз мимо маникюрного спа и мясного рефрижератора – и я на улице. Поворачиваю направо и иду, пригнув голову на случай, если тут есть какое-нибудь видеонаблюдение. Главное сейчас – отойти от этого здания подальше. Когда сердце перестанет так отчаянно колотиться, попытаюсь сориентироваться. Это не так уж трудно. Всего-то надо поинтересоваться у собственного телефона.

Как выясняется, я нахожусь на Манхэттене, на углу Сорок второй и Восьмой авеню, а этот район я недурно знаю с той поры, как работал вышибалой в клубах Большого Яблока. Можно запрыгнуть в мотор до Сохо и забросить этот проклятый конверт, но мне нужно немного воздуха, чтобы избавиться от понемногу накапывающего тремора посттравматического боевого невроза, да и поесть было бы недурно. Уже третий час, а у меня и крошки во рту не было.

Третий час?! Ни черта себе, как такое могло случиться?

Должно быть, в машине Кригер мне что-то впрыснул, чтобы я наверняка не очнулся. Еще один повод прикончить этих типов. Я решаю попросить Зеба тщательно меня осмотреть, если доберусь до дома, дабы убедиться, что в крови у меня нет никакой чуждой химии. Уйма седативных препаратов дают побочные эффекты, если их не выгнать из организма. Даже дни спустя после укола может проклянуться что угодно – от амнезии до паранойи. Последнее, что мне нужно, – это тыкаться куда попало в уверенности, что меня пытаются убить, но не иметь возможности припомнить, кто именно.

Наверное, я могу даже попросить помощи у «фараона», и этим «фараоном» окажется Дерк Фортц.

Я пешком отмахиваю с дюжину кварталов до «Паркер Меридиен», радуясь плотному людскому камуфляжу на улицах, и занимаю маленький столик в знаменитом ресторане завтраков «Норма».

Дерк Фортц. Что это за идиотское имя? Как будто родители не могли решить, из «Династии» они или из «Звездных войн».

Этот тип достал меня до нутра так, как никто другой прежде. Он хотел не просто меня убить, а пойти куда дальше.

Руки у меня трясутся, и когда приходит официантка, я прячу их под столик. Пардон, не официантка. Менеджер по обслуживанию. Менеджер лет на десять моложе меня, так что вполне может претендовать на роль предмета вожелений, с открытым лицом и глазами, сияющими от здоровой скорости или проворства.

– Меню не требуется, – говорю я. – Я здесь уже бывал. Принесите кофейник и французский тост со всем причитающимся.

Улыбка менеджера настолько широка, что заставляет поверить в ее искренность. Если американцы и умеют что делать хорошо, так это заставить человека поверить, что ему рады.

Мля, я чувствую тут себя завсегдаем, а ведь не наведывался уже много лет.

– Французский тост, – повторяет она, записывая заказ в блокнот. – Чуток утешительной пищи, а?

– Угу, – подтверждаю я. – Сейчас мне чуток утешения не помешает.

Я тут частенько тешил себя завтраком после трудных ночных вахт у дверей. Таблички «Лучший завтрак в Нью-Йорке» выставляют в своих окнах многие заведения, но «Норма» свою вполне заслужила.

Я читаю имя на бейджике менеджера.

– Ничто так не утешает мужика, как французский тост. Мэри, вы ирландка?

Вопрос Мэри польстил.

– О боже мой! Я вроде как полная ирландка. Мой прадед приехал из графства Уэльс.

Я рад, что появился повод улыбнуться.

– Это замечательно. У меня в графстве Уэльс кузены.

Мэри не без решительности выпячивает грудь.

– Ну, кузен, надеюсь, вы голодны. Потому как этот тост будет достаточно велик, чтобы накормить целую армию.

Мэри мне уже нравится, и если б меня совсем недавно не звезданули током и не похитили, я бы даже мог тут чуток расстараться. Но в кармане у меня лежат облигации на предъявителя, да и Мэри, правду говоря, наверное, просто отрабатывает чаевые, а даже если и нет, я безумно верен Софии, как и двухполюсный ангел, сидящий у меня на плече.

Мэри направляется в кухню, и я кладу руки на стол, позволив им трястись.

«Разберитесь с этим, задницы, – лучезарно ухмыляюсь я им. – Вам предстоит работка».

«Норма» куда шикарнее, чем моя обычная закусочная, но порой ради тоста приходится смириться с толикой роскоши. Даже в без малого три часа дня зал с высокими потолками наполовину заполнен бизнесменами, ослабляющими узлы галстуков и расстегивающими пуговицы, и горожан, явившихся сюда ради знаменитых блинчиков. Держу пари, девушка вроде Мэри может тут наскрести чаевыми лишних пару сотен в день.

Может, я предложу ей работу.

Пока я представляю совершенно непомерные восторги моей менеджера по поводу воображаемого приглашения на работу, в реальном мире у Мэри времени более чем достаточно, чтобы захватить кофейник и вернуться к моему столику.

– Эй, кузен, – начинает она и тут же цепенеет, уставившись на мои руки. Нет, не на мои руки, а на нечто у меня между руками. Опустив глаза, я вижу, что выложил один из «глоков» на стол. Вот уж не помню, как сделал это. И с какой радости мне пришло это в голову в ресторане? Я чувствую, как поры на шее выдавливают холодный пот.

Но потрясение Мэри скоропреходяще. Эта девушка работает в Нью-Йорке.

– А, ухватила! Ирландец, правда? Значит, ты «фараон»?

Как мило, когда люди изобретают оправдания за тебя. Вот было бы так почаше.

– Это полицейский пистолет, – честно признаюсь я, убирая «глок» со стола. – Я просто хотел проверить, поставлен ли он на предохранитель. Не хотел подстрелить кого-нибудь из ваших посетителей.

Склонившись поближе, Мэри наливает мне яванского, и по аромату я понимаю, что кофе высшего класса.

– Видите вон тех двух типов в углу, выпячивающих перископы всякий раз, когда моя задница сверкнет близости? – шепчет она.

– Ага, вижу, – отвечаю.

Конечно же, теперь, когда она сказала «задница» и «сверкнет», у меня глаза тоже будут как перископы.

– Если хотите, можете пристрелить обоих, офицер, – говорит Мэри, и ощущение ее дыхания у меня в ухе почти изглаживает воспоминание о том же в исполнении Фортца.

Тост ничуть не хуже, чем помнится, да еще и вдвое больше, погребенный под фруктами, сливками и сиропом, да еще и подслащенный деликатным толчком бедер Мэри, которым она меня одаривает по пути мимо. Все равно что бросить косточку утопающему псу. Я благодарен ей за этот жест, но вообще-то он моего положения не улучшает.

Я берусь за тост, и тот настолько хорош, что я поневоле им наслаждаюсь, хотя любая передышка лишь временна.

«Это топливо, – твержу я себе. – До заката предстоит уйма дел. Тебе еще надо навестись в Сохо».

Отложив столовые приборы, я подумываю, не пренебречь ли этой сделкой. После столкновения с не той ветвью закона я не могу удержаться от мысли о том, чтобы вытащить оружие из тайника на автостанции и уладить эту ситуацию с Майком Мэдденом самостоятельно. Ирландское правительство потратило уйму денег, натаскивая меня на мокрые дела и тихие дела, и было бы жаль дать этим инвестициям пропасть втуне.

Из двух зол выбирай меньшее, верно? Этот вспыльчивый тип из Сохо может оказаться каким-нибудь добродушным мудилой, которому насрать на мой не задавшийся день.

Я снова берусь за тост и наливаю себе еще чашку кофе, чувствуя, как кофеин раскрывает дроссель моего сердца на полную.

Ага. Просто убрать всю банду Майка, почему бы и нет? Только-то и потребуется, что полдня времени и пара патронов.

В зоне боевых действий – быть может. Но речь-то идет о Нью-Джерси! Уйма камер и сознательных граждан.

А если проколешься?

Тогда Майк заблокирует выходы из клуба и подожжет его. Джейсону, Марко и девочкам конец.

А София? Не забывай о Софии.

Ага. Софию можно считать покойницей.

А как насчет просто прикончить Майка? Отрубить змее голову?

Не-а. Келвин поджидает с фланга. Может, и Недди тоже. Там, откуда появился Майк, змей еще предостаточно. А эти типы любят устраивать наглядные уроки.

Я решаю эсэмэснуть Софии без какой-либо практической цели, кроме как почувствовать себя лучше.

И посылаю:?

И все, только вопросительный знак. Раньше это было: «Эй, как оно? Как ты там?» Но теперь мы выработали сокращение, и, пожалуй, это прогресс.

Минуту спустя я получаю в ответ:?

Что означает: Я в порядке. А ты?

Так что я шлю: Потом?

И получаю в ответ большой смайл.

Что хорошо. Это означает, что София приняла свои лекарства или по меньшей мере не впала в один из почти суицидальных пароксизмов и хочет увидеться со мной позже.

Я чувствую легкие угрызения совести, назначая свидание, на которое могу и не явиться или явиться неузнаваемым, – но порой, чтобы снести передрыги дня и не скиснуть, одного французского тоста бывает маловато.

И раз уж телефон и так у меня в руках, я проверяю пропущенные звонки и вижу шесть от Майка и три от Зеба.

А пошли они оба!

Моя злобная половина уповает, что Майк возьмет Зеба в заложники, чтобы поторопить меня. Легонькая пыточка пришлась бы этому пареньку очень кстати. Никакой угрозы для жизни, но насколько я знаю Зеба, на цыпочках он ходит редко.

Иконка моего «Твиттера» чирикает, сообщая, что поступил твит от моего психиатра, теперь раздающего мудрость в онлайн, уверяя меня, что это было неизбежно, так что он вполне может выступить в авангарде. Вообще-то я никогда не твитил, но отслеживаю доктора Саймона и Крейга Фергюсона, одного забавного кельтского свистобола.

В твитах есть нечто принудительное, так что я читаю последний из выданных Саймоном:

Помни, моя фобийная ватага: темнее всего перед рассветом, если только не затмение.

Интересно, кого это призвано утешить?

Я прокручиваю экран обратно к лаконичному последнему сообщению Софии, и один лишь вид этого простого эмодикона согревает меня на пару градусов.

София. Выпадет ли нам хоть шанс?

Блям. Эдак скоро я стихи буду писать.

* * *

Мое чувство пространства дребезжит, и я понимаю, что передо мною кто-то стоит. Не глядя, знаю, что это женщина. Подсознание подбрасывает подсказки: духи, шаги, предшествовавшие этому мгновению, звук дыхания. Женщина, но не Мэри.

Так что я поднимаю глаза и не далее трех футов от себя вижу богатую даму, пляшущую на меня так, будто узрела собственную служанку в «Тиффани». Этой девице лет сорок минус десять, стертые начисто с помощью спа и спорта. Блестящие светло-русые волосы обрамляют изумительное лицо – малость лошадиное, но по-хорошему, а спортивную фигуру прекрасно облегает красный велюровый спортивный костюм – держу пари, с какой-нибудь провокационной надписью большими буквами на заднице. О ее богатстве мне говорит блестящий брюлик на пальце и факт, что стайка официантов маячит в шести футах позади, тревожась, что с ней может что-нибудь стрястись.

Понятия не имею, что сие значит, но времени на это у меня нет.

Вхожу в упреждающее отрицание.

– Леди, – произношу я. – Что бы вы там ни думали...

– Мистер Макэвой? – обрывает она меня. – Дэниел Макэвой?

Вот так сюрприз! Обычно богатая публика меня не узнает, поскольку я как-то не обновлял членство в элитных клубах с тех самых пор, как рухнул «Энрон».

– А кто спрашивает? – спрашиваю я. Вид такой, будто мы в киноуар.

Дама без приглашения отодвигает стул и усаживается напротив.

– Дэниел, – сообщает она. – По-моему, я могу оказаться твоей бабушкой.

Должно быть, мы смотрим разные фильмы.

* * *

Мэри наливает мне еще кофе, подкрепляя прежний толчок бедрами глубоким аналитическим обзором своего декольте, потому что как профессионал знает, что, по статистике, даже простое присутствие другой женщины уменьшит чаевые от меня на 5 процентов.

Держи себя в руках, солдат. Девушка наливает кофе, а тебе сорок три года.

Ничего не могу поделать. Я считываю глубинные подтексты в действиях каждого, кто меня окружает. Пожалуй, это потому, что порой кажется, будто все, кто меня окружает,

питают дурные намерения по отношению к моей особе. А как однажды сказал мне мозгоправ Саймон: «Быть параноиком – не смертельно, а вот не быть им...»

Гламурная бабуля соскальзывает на стул напротив меня и решительно отключает звук телефона, чтобы нам не помешали. Заказывает у Мэри грейпфрутовый сок, даже не взглянув на мою очаровательную менеджера, а затем пускается в рассказ.

– Я тут хожу в спортзал. Вправду хороший. А еще тренер приходит ко мне на дом. Пабло просто фантастичен. Я сейчас более гибкая, чем была в двадцать.

Я воздерживаюсь от комментариев; как бы ни были эффективны приемы Пабло, это только преамбула.

– Ты тоже хорошо выглядишь, Дэниел. Солидно. Ты женат? У тебя есть дети?

Я однократно трясую головой, покрывая оба вопроса разом.

– У меня тоже, – сообщает она. – Вообще-то. Больше нет.

Три коротких предложения. Все три перегружены смыслами.

– Я искренне сожалею... э... бабуля, но у меня сегодня малость напряженка.

Она дает себе легкую пощечину, подняв облачко пудры, хотя я был готов поклясться, что макияжа на ней минимум.

– О боже мой! Я напрочь забыла о манерах! – Протягивает руку для пожатия под странным боковым углом, будто особа королевских кровей. – Я Эдит Викандер Костелло.

Она произносит «Эдит» на ритм «Beat It» Майкла Джексона.

Я пожимаю руку. Честно говоря, не столько пожимаю, сколько легонько встряхиваю, но чувствую под мягкой сухой кожей силу.

– Костелло? – переспрашиваю я. – Значит, вы вышли за старину Пэдди?

– Жена номер четыре, – сообщает она. – Первая, кто его пережил.

Свершение немалое. Пэдди Костелло всегда казался высеченным из гранита.

– Значит, вы мне не кровная бабушка?

– Нет. Я более поздняя модель. Версия четыре точка ноль.

– А откуда ты знаешь обо мне, Эдит? Да и как ты вообще меня опознала?

– Я искала тебя, Дэниел. Полгода я пускала по твоему следу ирландских детективов. И вдруг ты объявляешься тут, в двух кварталах от моих апартаментов на Сентрал-Парк-Саут.

– А зачем ты меня искала? Неужто старина Пэдди оставил мне толику?

Эдит смущенно складывает свою салфетку.

– Нет. Ты лишен наследства вкупе со своей матерью. Я искала тебя, потому что Эвелин пропала, а она – единственный член семьи, оставшийся у меня.

Эвелин Костелло. Один лишь звук этого имени забрасывает меня обратно в Дублин тысяча девятьсот семидесятых. Младшая сестренка моей матери, девочка, которая вопреки воле собственного отца пересекла Атлантику, чтобы погостить у нас. Девочка, сказавшая моему отцу, что «насадит его сосиску на вертел, если он еще хоть раз случайно забредет не в ту комнату».

Круто. У нас даже не было вертела. И ни у кого из моих знакомых.

Эвелин Костелло. Моя первая героиня. Я не одну неделю экономил каждое пенни, просто чтобы на случай ее нового визита вертел имелся в доме наверняка.

Моя тетушка Эвелин, неизменно водившая меня в плавательный бассейн за исключением случаев, когда не могла этого сделать по каким-то таинственным женским причинам, которых я не понимал тогда напрочь, да и теперь постигаю не в полном объеме.

– Эвелин пропала?!

Эдит начала складывать мою салфетку.

– Да. У нее возникли проблемы с зависимостями, как и у ее матери. После последнего рецидива мы поместили ее к Бетти Форд²⁸, но ты же знаешь Эвелин – мол, не загоняйте меня в угол, правда? Она выписалась, и мы не видели ее уже больше двух лет. Она пропустила даже похороны родного отца.

Если Эдит ожидает, что мое лицо изобразит «ох ты», то просчиталась. Я вовсе не питаю к «отцам» такого же благоговения, как ситкомы 1960-х. Сто процентов моих образов отца являют надравшиеся озверевшие дьяволы, разгуливающие по земле.

Эдит осознает, что не задела меня за живое.

– Разумеется, у них были разногласия, но Эв любила отца, и Патрик ее любил. Просто трагедия, что она может даже не ведать о его смерти.

Она знает, если только не забилась под какой-нибудь камень, но даже в подобном случае – большинство камней в наши дни подключены к Сети. Когда сердце Пэдди Костелло наконец разорвалось в его груди от сокрушительного взрыва обширного инфаркта, видеонекрологи в эфир пустили все ведущие студии. Великий Пэдди Костелло – последний магнат. Человек, построивший Америку или еще какое дерьмо в том же духе.

Мой дед.

В Ирландии мы знаем об империях всё. В армии я даже видел парочку. Я так смекаю, если человек хочет сколотить порядочное королевство, то должен поддерживать лазерную фокусировку на этой вершине всех стремлений, испепелив все, что может от нее отвлечь. К примеру, своих конкурентов. К примеру, собственную семью.

– Я думала, она могла связаться с тобой, Дэниел. Вы ведь были близки, правда? Она толковала о тебе.

Это правда. Мы были близки, хоть она и навещала нас, наверное, раз с дюжину. Дух Эвелин всегда был на высоте. Когда мне было четырнадцать, а ей – шестнадцать, вернувшись однажды вечером домой со свидания с юнцом, распустившим руки, Эвелин задала мне строгую лекцию о том, как надлежит обращаться с сиськами девушки. Мальчику такого не забыть нипочем. Ни за что и никогда.

– Ага, мы были близки. Эв была для меня как старшая сестра.

Эдит кивает:

– Именно. Она так и говорила. Старшая сестра Дэнни. Она за тобой приглядывала. Вот я и подумала, что, может быть, ты слышал что-нибудь...

Глаза Эдит Костелло потуплены. У нее в жизни столько огорчений, что она ограждает себя от очередного. Ненавижу быть гонцом, несущим никакие вести, но...

– Нет, Эдит, извини. Я не говорил с Эвелин уже лет двадцать. Она прислала мне пару писем, когда я служил в армии, но это был просто невинный треп. Пару лет назад услышал, что она в «Бетти Форд», и отправил ей открытку с пожеланием выздоровления. Но не имею ни малейшего понятия, где она.

²⁸ Реабилитационная клиника, названная в честь первой леди США.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.